

Вестник¹⁶⁺

Башкирского государственного
педагогического университета
им. М. Акмуллы

Серия:
Филологические науки

4/2025

ВЕСТНИК

БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. АКМУЛЛЫ

Научно-практический журнал

Серия:

Филологические науки

№4/ 2025

Адрес редакции и учредителя:
450077, РБ, г. Уфа,
ул. Октябрьской революции, 3-а,
корп. 3.

Ответственный редактор:
Аманбаева З.С.

Ответственный секретарь:
Масалимова В.В.

Тел.: 8 (347) 246-92-42

E-mail: vestnik.bspu@yandex.ru

© Редакция Вестника БГПУ им.
М. Акмуллы.

© Муратов И.М., обложка, 2024.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.
Рег. №: ПИ №ФС77-87974
от 30 июля 2024 г.

Дата выхода в свет: 15.12.2025.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Хайруллина
Райса
Ханифовна**

главный редактор, д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Международного центра продвижения русского языка и литературы им. М.Карима ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).

**Борисова
Валентина
Васильевна**

д-р филол. наук, профессор (г. Москва, Россия).

**Кадырова
Нигора
Абдурашидовна**

канд. филол. наук, доцент Кокандского государственного педагогического института (г. Коканд, Узбекистан).

**Рамазанова
Гюльназ
Гилемдаровна**

д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).

**Алибаев
Заки
Арсланович**

канд. филол. наук, доцент кафедры башкирского языка и литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).

**Султангареева
Розалия
Асфандияровна**

д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Башкирского фольклора ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).

**Сулейманова
Альмира
Камиловна**

д-р филол. наук, профессор зав.кафедрой русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Россия).

**Фаткуллина
Флюза
Габдуллиновна**

д-р филол. наук, профессор, зав.кафедрой русской и сопоставительной филологии ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологии» (г. Уфа, Россия).

**Миронова
Александра
Анатольевна**

д-р филол. наук, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (г. Челябинск, Россия).

Насипов Илшат Сахиятуллович	д-р филол. наук, профессор кафедры татарского языка и литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).
Халиуллина Нурия Усмановна	канд. филол. наук, доцент кафедры татарского языка и литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).
Хабибуллина Зулайха Ахметовна	канд. филол. наук, доцент кафедры башкирского языка и литературы ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).
Сакаева Лилия Радиковна	д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистического образования для иностранных студентов ФГАОУ ВО «Казанский федеральный университет» (г. Казань, Россия).
Казанцева Елена Анатольевна	д-р филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки» ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Россия).
Ергазина Алия Абдирамановна	канд. филол. наук, доцент Военного института Сил воздушной обороны им. Т.Я. Бегельдинова (г. Актобе, Казахстан).
Султанова Самал Мурадымовна	канд. филол. наук, доцент Евразийского гуманитарного института им. А.К. Кусаинова (г. Астана, Казахстан).
Галимова Халида Халитовна	канд. пед. наук, доцент, директор Института филологического образования и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).
Гумерова Наиля Жановна	канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Россия).
Майорова Ольга Анатольевна	канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков с курсом латинского языка ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (г. Уфа, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Галина Г.Р., Давлетшина С.М.

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 5

Миннегалиева Г.И.

ВЕРЛАН КАК ПЛАСТ ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО
СЛЕНГА И СПОСОБЫ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 17

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Го Вэйпэн

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В
ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА 27

Двуреченская К.С.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ
ПЕРЕВОДЧИКОВ ДЛЯ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И
СПОРТА 42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Батыршин Ш. Ф., Денисламова Н. И.

АНАЛИЗ ДВОЙСТВЕННОЙ РОЛИ ЖИВОТНЫХ В
БАШКИРСКОЙ МИФОЛОГИИ: ОТ БЛАГОСЛОВЕННЫХ
СУЩЕСТВ ДО ВОПЛОЩЕНИЙ ЗЛА 53

Го Вэйхэ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В
КИТАЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ 67

Хуббитдинова Н.А.

ФОЛЬКЛОР КАК ЧАСТЬ ЭТНОПЕДАГОГИКИ: КУЛЬТУРНЫЕ
ТРАДИЦИИ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ (НА ПРИМЕРЕ
ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН) 79

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

<i>Общие положения</i>	87
<i>Рекомендуемая структура публикаций</i>	88
<i>Требования к текстовой части статьи</i>	96
<i>Образцы оформления ссылок на литературу</i>	97

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI: 10.21510/3034-2694-2025-4-5-16

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Гузель Рафисовна Галина¹, Светлана Мансафовна
Давлетшина²*

*^{1,2}Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*

¹g4lina.guzel@yandex.ru

²davletshinasm@mail.ru

Аннотация. Современный публицистический дискурс характеризуется высокой степенью динамизма и экспрессивности, что обуславливает активное использование авторами нестандартных лексических единиц. В статье исследуются продуктивные модели окказионального словообразования в политических текстах современных французских СМИ. Особое внимание уделяется разграничению понятий «окказионализм» и «неологизм», где первые рассматриваются как авторские новообразования, созданные для конкретного прагматического эффекта в рамках одного контекста. Нами проанализированы структурные и семантические особенности окказионализмов, их роль в формировании оценочного характера, лаконичности и образности публицистического текста. В ходе исследования публицистических статей французских изданий *Le Point*, *Le Monde* и *Le Figaro* раскрыты ключевые словообразовательные механизмы: семантическая деривация, использование антропонимов в качестве производящей основы, аффиксация, словосложение и заимствование с последующей адаптацией. Мы приходим к выводу, что окказионализмы функционируют как мощный инструмент риторического воздействия, отражает и одновременно формируя социально-политические установки аудитории. Как лексические средства воздействия они закрепляются в статусе окказиональных маркеров идеологической позиции издания и ключевых точек общественного напряжения.

Ключевые слова: окказионализм, неологизм, словообразование, публицистический дискурс, французский язык, прагматический эффект, метафора, медиадискурс

Для цитирования: Галина Г.Р., Давлетшина С.М. Продуктивные модели окказионального словообразования в современном французском публицистическом дискурсе // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2025. №4. С. 5-16.

LINGUISTICS

Original article

PRODUCTIVE MODELS OF OCCASIONAL WORD FORMATION IN MODERN FRENCH JOURNALISTIC DISCOURSE

Guzel R. Galina¹, Svetlana M. Davletshina²,

*^{1,2}Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Ufa, Russian Federation*

¹galina.guzel@yandex.ru

²davletshinasm@mail.ru

Abstract. Modern journalistic discourse is characterized by a high degree of dynamism and expressiveness, which determines the active use of non-standard lexical units by authors. The article examines productive models of occasional word formation in the political texts of modern French media. Particular attention is paid to the distinction between the concepts of "occasionalism" and "neologism", where the former are considered as the author's new formations created for a specific pragmatic effect within the same context. We have analyzed the structural and semantic features of occasionalisms, their role in the formation of evaluativeness, conciseness and imagery of a journalistic text. In the course of the study of journalistic articles in the French editions *Le Point*, *Le Monde* and *Le Figaro*, the key word-formation mechanisms are revealed: semantic derivation, the use of anthroponyms as a generating stem, affixation, word composition and borrowing with subsequent adaptation. We come to the conclusion that occasionalisms function as a powerful tool of rhetorical influence, reflecting and at the same time shaping the socio-political attitudes of the audience. As lexical means of influence, they are fixed in the status of occasional markers of the ideological position of the publication and key points of social tension.

Keywords: occasionalism, neologism, word formation, journalistic discourse, French language, pragmatic effect, metaphor, media discourse.

For citing: Galina G.R., Davletshina S.M. Productive Models of Occasional Word Formation in Modern French Journalistic Discourse // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2025. №4. pp. 5-16.

Введение. Современный французский публицистический дискурс, особенно в его политическом сегменте – это поле активного лингвистического творчества. В стремлении к максимальному воздействию на аудиторию журналисты и обозреватели часто выходят за рамки узуальной лексики, создавая новые слова для достижения конкретных прагматических целей: экспрессивности, лаконичности или языковой игры.

Динамичность современного информационного пространства и обострение конкуренции за внимание читателя побуждают авторов публицистических текстов к поиску нестандартных языковых решений. Именно окказиональные новообразования становятся эффективным инструментом, способным придать тексту яркость, выразить оценку и сформировать у адресата нужное восприятие событий.

Актуальность изучения лексических единиц – окказионализмов – состоит в необходимости лингвистического анализа возникающих в режиме реального времени новых слов в публицистическом дискурсе. Данное исследование открывает малоизученные грани словообразования во французском языке в свете его развития в современном информационном обществе.

Ключевая цель настоящей работы – анализ и систематизация наиболее продуктивных словообразовательных моделей, по которым создаются окказионализмы во французской политической публицистике, с последующим анализом их функционального потенциала.

Материалы и методы. Основными методами исследования в нашей работе стали методы сплошной выборки, компонентного анализа и частные лингвистические методы словообразовательного и семантического анализа окказионализмов. Материалом исследования выступили статьи французских изданий Le Point, Le Monde и Le Figaro.

Сам термин «окказионализм» был введен в научный оборот Г. О. Винокуром, который рассматривал подобные единицы как «слова, созданные по имеющимся в языке словообразовательным моделям для конкретного случая» [2, с. 72]. Развивая данное понимание, Е. А. Земская сместила акцент на перцептивный аспект, определив окказионализмы как «слова, которые не теряют своей новизны и свежести вне зависимости от давности их появления» [1, с. 254]. С точки зрения прагматики и контекста, В. Я. Комиссаров и Я. И. Рецкер трактовали их как индивидуальные новообразования, вводимые автором для выполнения определенной стилистической

задачи в конкретном речевом акте [2, с. 72]. Многогранность самого явления привела к возникновению параллельных наименований: так, В. А. Звегинцев именовал их авторскими неологизмами, Л. А. Новиков использовал понятие «креатемы», а А. Г. Лыков – «окказиональные слова» [4, с. 16].

Анализируя определения, мы пришли к выводу, что авторские новообразования принято называть окказионализмами. В отличие от неологизмов, претендующих на вхождение в общелитературный язык для номинации нового явления [15, р.45], окказионализмы создаются «на случай» и, как правило, остаются достоянием одного контекста, сохраняя свежесть и новизну. Основная функция окказионализмов не номинативная, а экспрессивно-оценочная.

Результаты исследования. Анализ французской публицистики выявляет несколько высокопродуктивных моделей создания лексических инноваций. Среди морфологических способов словообразования наиболее действенной является аффиксация, включающая использование префиксов и суффиксов, в том числе с опорой на имена собственные в качестве производящей основы.

Аффиксальные модели, особенно с использованием префиксов и суффиксов с оценочным компонентом, чрезвычайно частотны в современной французской публицистике. Для обозначения политической системы и окружения Эммануэля Макрона используется термин *macronie*: «*La macronie, enfermée dans sa tour d'ivoire, semble totalement déconnectée des préoccupations des Français*» (Le Figaro, 05.09.2023). – «*Макрония*», *запертая в своей башне из слоновой кости, кажется совершенно оторванной от забот французов*. Суффикс *-ie*, часто используемый для образования названий территорий, здесь приобретает ироничный оттенок, представляя правящую элиту как замкнутую касту.

Противоположный процесс выражается словом *démacroniser*: «*L'un des défis majeurs pour l'opposition sera de "démacroniser" le débat public*» (Le Monde, 18.10.2023). – «*Одной из главных задач для оппозиции станет „демакронизировать“ общественные дебаты*». Префикс *dé-* указывает на устранение или отмену влияния.

Термин *hyperprésidentialisation* образован по продуктивной модели с помощью префикса *hyper-* [8, с. 127]: «*La Ve République a été corrompue par l'hyperprésidentialisation jusqu'à se trouver paralysée à la suite de la dissolution*» (Le Point, 11.11.2024). – «*Пятая республика была развращена гиперпрезидентциализацией до такой степени, что оказалась парализованной после роспуска [парламента]*». В данном контексте он используется для лаконичной и эмоционально заряженной критики политической системы. Автор передает идею чрезмерной, нездоровой концентрации власти, которая привела к «развращению» и «параличу» Пятой республики.

Деривация на базе имен собственных, преимущественно антропонимов, раскрывает политические идеи, стили управления или идеологические установки в одном емком слове, апеллируя к фоновым знаниям носителей французского языка [5, с. 278; 10, р. 114]. Для описания влияния Жана-Люка Меланшона используется окказионализм *la mélenchonisation* des esprits: «*Les observateurs s'inquiètent de la "mélenchonisation des esprits", qui se traduit par une brutalisation du débat politique*» (Le Point, 30.05.2024). – «Наблюдатели обеспокоены «меланшонизацией умов», которая выражается в ожесточении политических дебатов». Суффикс -isation указывает на процесс распространения идей, который автор оценивает критически.

Таким же образом создаются прилагательные. Например: «*Le style bardellien, tout en contrôle et en formules simples, séduit un électorat lassé des technocrates*» (Le Point, 02.06.2024). Здесь отфамильное прилагательное *bardellien* (от *Jordan Bardella*) мгновенно формирует образ конкретного политического имиджа. Такие образования, как *le zemmourisme* или прилагательное *poutineien*, становятся ярким компонентом политического стиля: «*Son style de gouvernance autoritaire est qualifié par ses détracteurs de "poutineien"*» (Le Point, 22.04.2024). – «Его авторитарный стиль правления его критики называют «путинским»».

Модель продуктивна для обозначения общих тенденций. «*La droitisation de la société est un fantasme agité par une certaine gauche pour disqualifier toute alternative*» (Le Figaro, 14.03.2024). Существительное *droitisation*, образованное от *droite* (правые) при помощи суффикса -isation, передает идею процесса сдвига общественных настроений вправо, причем в данном контексте слово используется для обозначения спорного, полемического тезиса [13, р. 12].

Телескопия, или словослияние [3, с. 36], создает гибридные лексемы с мощным экспрессивным и оценочным потенциалом. Механизм сжимает два понятия в одно, порождая новый смысл, часто ироничный или уничижительный. Классическим примером стал термин *Frexit*, образованный по аналогии с *Brexit*: «*Le spectre du Frexit continue de hanter les couloirs de Bruxelles, malgré les dénégations officielles*» (Le Monde, 19.05.2024). Здесь слияние *France* и *exit* создает лаконичный символ угрозы выхода страны из ЕС.

Идеологическая борьба находит отражение в окказионализмах-гибридах [9, с. 8]. Для критики радикальных экологических инициатив журналисты используют слово *écolofolie*: «*Certaines propositions, comme l'interdiction des vols intérieurs, relèvent de l'écolofolie punitive*» (Le Point, 12.06.2024). – «Некоторые предложения, вроде запрета на внутренние авиарейсы, относятся к разряду карательной «экодури»».

Телескопия, соединяющая *écologie* и *folie* (безумие), дискредитирует явление, представляя его как иррациональное.

В слове *islamo-gauchisme*, активно используемом в консервативной прессе: «*Le concept d'islamo-gauchisme décrit la convergence idéologique entre une partie de l'extrême gauche et les mouvements islamistes*» (Le Figaro, 10.01.2024). – «Концепция «исламо-левизны» описывает идеологическое сближение между частью крайне левых и исламистскими движениями».

Слияние социально-культурного термина и словообразовательного суффикса – еще один пример телескопии. Например; «*La boboïsation des centres-villes chasse les classes populaires vers des périphéries mal desservies*» (Marianne, 25.04.2024). В основе окказионализма *boboïsation* лежит слово-гибрид *bobo* (*bourgeois-bohème*), к которому добавляется суффикс *-isation*, обозначающий процесс обновления, создаваемый определенной социальной группой [11, p. 36].

Акронимы политических объединений становятся производящей основой: «*La nupesification du Parti Socialiste est perçue par les anciens comme une trahison de l'héritage de Mitterrand*» (L'Express, 09.11.2023). Здесь *nupesification* (от акронима левой коалиции NUPES) обозначает процесс идеологического поглощения или влияния [4, с. 8]. Слово *déclinologue* образовано от *déclin* (упадок) и *-logue* (специалист): «*Les déclinologues, prophètes du malheur, trouvent dans chaque crise la confirmation de leur vision pessimiste de la France*» (Le Point, 20.06.2024). Окказионализм иронично именуется интеллектуалов и публицистов, чья основная тема – предполагаемый упадок Франции.

Окказиональные заимствования, образованные путем транслитерации, служат для маркировки чуждых, по мнению автора, явлений [14, p. 67]. Англицизмы *wokisme* и *la cancel culture* пришли из американского дискурса и часто используются с негативной коннотацией: «*Le wokisme et sa "la cancel culture" menacent la liberté d'expression et tentent d'imposer une relecture idéologique de notre histoire*» (Le Figaro, 21.01.2024). – «**Вокизм** и его «**культура отмены**» угрожают свободе выражения мнений и пытаются навязать идеологическое переосмысление нашей истории». «*La panique morale autour de la "cancel culture" est instrumentalisée pour étouffer toute critique des figures d'autorité*» (Mediapart, 11.05.2024). Во французской публицистике данные заимствования изображаются как угроза традиционным ценностям. Прилагательное *woke* может применяться к самым разным явлениям: *un cinéma *woke*, une histoire *woke*, создавая определенный образ чуждого ценностному миру читателя явления.

Иной тип заимствования – превращение имени бренда в нарицательное понятие, описывающее целый экономический уклад:

«*L'uberisation du marché du travail précarise des millions de travailleurs sous le masque de la modernité*» (Le Monde Diplomatique, Mars 2024). Здесь **uberisation** (от названия компании *Uber*) стало термином, обозначающим трансформацию трудовых отношений в сторону отказа от социальных гарантий [12, p. 124].

Семантическая деривация, при которой существующее слово наделяется новым, контекстуально обусловленным значением, представляет собой продуктивную модель окказионального словообразования. Яркий пример – использование прилагательного **sauvage** (дикий) для характеристики городского пространства: «*Plusieurs grandes villes ont glissé vers un statut «sauvage»*» (Le Point, 14.08.2025). Традиционно применяемое к миру природы или животных, здесь слово переносится на урбанистический объект. Создается мощная метафора города, утратившего признаки цивилизации, погрузившегося в хаос и беззаконие. Повторное употребление в том же тексте – «*Ces villes «sauvages» sont alors perçues...»*» (Le Point, 14.08.2025) – «*Эти «дикие» города потом воспринимаются...»*. Окказионализм закрепляет метафору, легитимизируя ее в рамках авторского повествования. Слияние урбанистического и зоологического семантических полей производит шоковый эффект, одним словом передавая комплекс проблем: от деградации инфраструктуры до роста насилия.

Использование имен собственных в качестве окказиональной основы мгновенно апеллирует к культурному коду читателя, вызывая богатый ассоциативный ряд. В редакционной статье издания *Le Point* Себастьяна Бавереца («L'ÉDITO DE NICOLAS BAVEREZ») Национальное собрание Франции описывается как «*une Assemblée Frankenstein*» (Le Point, 14.08.2025). Имя персонажа Мэри Шелли, ставшее нарицательным, превращается в окказиональное определение. Парламент предстает монструозным созданием, сшитым из несовместимых политических частей, что отражает его крайнюю поляризацию и неуправляемость. Окказионализм констатирует факт политического кризиса, придает ему оттенок противоестественности, институционального уродства.

Публицисты активно прибегают к метафорическому переносу целых фразеологических единиц из одной сферы в другую для достижения драматического эффекта. Выражение «*couler à pic*» (букв. «пойти ко дну камнем»), принадлежащее морской терминологии, в контексте политического анализа применяется к государству: «*Avec lui, elle [la France] coule à pic*» (Le Point, 11.11.2024) – «*С ним она идет ко дну*». Франция уподобляется кораблю, идущему к неминуемой гибели. Образ необратимой катастрофы усиливает апокалиптический настрой статьи.

Дальнейшее развитие морской метафоры можно наблюдать в анафорическом повторении слова *naufnage* (кораблекрушение), которое становится гибкой матрицей для описания всеобъемлющего кризиса: «*Naufnage social. ... Naufnage financier. ... Naufnage politique... Naufnage diplomatique*» (Le Point, 11.11.2024) – «*Социальный крах... Финансовый крах. ... Политический крах. ... Дипломатический крах*». Лексема, вырванная из своего прямого значения, последовательно применяется к различным сферам жизни нации. Ритмичный повтор создает образ тотального крушения, многоуровневой катастрофы, охватившей страну. Лексема становится частью риторической стратегии, направленной на нагнетание и драматизацию.

Семантический перенос, или метафоризация, является универсальным когнитивным и языковым механизмом, который в публицистике используется для драматизации и концептуализации политических процессов. Авторы заимствуют лексику из самых разных сфер – медицины, военного дела, финансов, театра, – чтобы наделить абстрактные политические реалии конкретными, образными и эмоционально заряженными чертами. Для описания разрушительного влияния коррупции используется медицинская метафора: «*Le clientélisme est une gangrène qui ronge nos institutions démocratiques de l'intérieur*» (Le Figaro, 28.02.2024). Образ *gangrène* (гангрены) вызывает ассоциации с неизлечимой болезнью, медленным разложением и неминуемой гибелью политического организма.

Военная лексика применяется для изображения информационного противостояния: «*L'opposition subit un pilonnage médiatique constant de la part des chaînes d'information acquises au pouvoir*» (Libération, 07.04.2024), слово *pilonnage* (артиллерийский обстрел) создает картину массированной и безжалостной атаки. Лексика из сферы мореплавания используется для описания бюджетного кризиса: «*Le gouvernement tente de colmater les brèches du budget, mais le navire prend l'eau de toutes parts*» (Les Echos, 15.01.2024). Выражение *colmater les brèches* (заделывать пробоины) в сочетании с морской метафорой тонущего корабля усиливает ощущение безнадежности и неэффективности принимаемых мер [7, с. 65].

Расширение метафорического поля остается продуктивной моделью [6, с. 102]. Политический скандал может быть назван *un Tchernobyl politique*, проводя параллель с ядерной катастрофой: «*La révélation de l'affaire a provoqué un véritable Tchernobyl politique, contaminant l'ensemble du gouvernement*» (Le Monde, 15.02.2024). – «*Раскрытие этого дела вызвало настоящий «политический Чернобыль», заразивший все правительство*». Топоним – символ тотального бедствия с необратимым эффектом. Напряженные парламентские дебаты именуется *une corrida politique*: «*La séance s'est transformée en une véritable corrida politique, où chaque camp cherchait*

la mise à mort symbolique de l'adversaire» (Le Figaro, 11.03.2024). – «Заседание превратилось в настоящую **«политическую корриду»**, где каждый лагерь стремился к символическому убийству противника», что привносит коннотации жестокости и ритуализированного зрелища.

Обсуждение. Анализ публицистического материала показывает несколько высокопродуктивных моделей, которые французские авторы используют для создания лексических инноваций.

Доминирующим способом образования окказионализмов в современных французских СМИ выступает суффиксация и префиксация, особенно с использованием имен собственных в качестве производящей основы, что подтверждается многочисленными примерами типа *macronie, mélenchonisation, démacroniser*. Второй по продуктивности механизм – метафорический перенос и метонимия, создающие яркие образы политических реалий через семантическую деривацию. Телескопия и заимствования – яркие средства языковой выразительности, уступающие по частотности аффиксальному словообразованию. Деривация от имен собственных и нарицательных с политической семантикой служит эффективным инструментом для маркировки, классификации и, чаще всего, критической оценки явлений и персоналий.

Окказиональное словообразование в современном французском публицистическом дискурсе является не просто проявлением языковой креативности, а мощным инструментом риторического и идеологического воздействия. Создаваемые журналистами новообразования редко бывают нейтральными; они почти всегда несут в себе заряд экспрессии и оценки, направляя восприятие читателя в нужное автору русло.

Продуктивные модели, как использование имен собственных, оценочная аффиксация и метафорический перенос, служат целям лаконичной и образной передачи сложных политических реалий. Окказионализмы-заимствования выполняют функцию маркеров в идеологической борьбе, обозначая культурные и социальные разломы в обществе. Таким образом, окказионализм в газетном тексте – сжатый комментарий, мгновенная оценка и эффективный способ формирования общественного мнения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксенова М. В., Кириллов Е. А., Мерзлякова А. В. Использование окказиональных имен собственных в публицистическом французском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 254–267.
2. Ан Е. Д. Телескопия как самостоятельный способ словообразования в современном французском языке //

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 11(79). С. 71–79.

3. Андрианова Н. С., Кузьмина Е. К. Структурно-словообразовательная характеристика телескопов современного французского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(59): в 3-х ч. Ч. 1. С. 36–40.

4. Гавришина И. Н., Яковлева Н. В. Телескопные термины во французском языке: типология моделей образования и способы перевода // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 1(17). С. 5–12.

5. Краснолобова К. Д., Ковалевская И. И. Словообразование в современном французском языке // Студенческая наука Подмоскovie. Орехово-Зуево: РИО ГГТУ, 2018. С. 276–280.

6. Кузнецова И. Н. Паронимическая неология во французском языке // Риторика ↔ лингвистика. Вып. 7. Т. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. С. 100–108.

7. Лаврентьева Т. В. Лексикология современного французского языка. Орск: Изд-во ОГТИ, 2010. 95 с.

8. Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2008. 128 с.

9. Anscombe, J.-C. La parole proverbiale // Langages. 1994. № 115. P. 6–26.

10. Gréciano, G. La métaphore dans le champ sémantique de l' 'évaluation' // Langages. 1989. № 94. P. 113–120.

11. Kerbrat-Orecchioni, C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. Paris: Armand Colin, 2009. 270 p.

12. Moirand, S. Les discours de la presse quotidienne. Observer, analyser, comprendre. Paris: PUF, 2007. 184 p.

13. Mortureux, M.-F. La lexicologie entre langue et discours. Paris: SEDES, 1997. 224p.

14. Picoche, J., Marchello-Nizia, C. Histoire de la langue française. Paris: Nathan, 1999. 420 p.

15. Sablayrolles, J.-F. La néologie en français contemporain: Examen du concept et analyse de productions récentes. Paris: Honoré Champion, 2000. 320 p.

REFERENCES

1. Aksyonova M.V., Kirillov E.A., Merzlyakova A.V. Ispolzovanie okkazionalnykh imyon sobstvennykh v publitsisticheskom frantsuzskom diskurse [The use of occasional proper names in the French journalistic discourse] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. – T. 14. – Vyp. 8. – S. 2541–2544.

2. An E.D. Teleskopiya kak samostoyatelnyy sposob slovoobrazovaniya v sovremennom frantsuzskom yazyke [Telescopy as an independent way of word formation in modern French] // Filologicheskiy

aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal. – 2021. – № 11(79). – S. 71–79.

3. Andrianova N.S., Kuzmina E.K. Strukturno-slovoobrazovatel'naya kharakteristika teleskopov sovremennogo frantsuzskogo yazyka [Structural and word-formative characteristics of telescopes of the modern French language] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 5(59): v 3-kh ch. Ch. 1. – S. 36–40.

4. Gavrishina I.N., Yakovleva N.V. Teleskopnye terminy vo frantsuzskom yazyke: tipologiya modeley obrazovaniya i sposoby perevoda [Telescopic terms in the French language: typology of formation models and methods of translation] // Filologicheskie nauki v MGIMO. – 2019. – №1(17). – S. 5–12.

5. Krasnolobova K.D., Kovalevskaya I.I. Slovoobrazovanie v sovremennom frantsuzskom yazyke [Word formation in modern French] // Stencheskaya nauka Podmoskovyu. – Orekhovo-Zuyev: RIO GGTU, 2018. – S. 276–280.

6. Kuznetsova I.N. Paronimicheskaya neologiya vo frantsuzskom yazyke [Paronymic neology in the French language] // Ritorika ↔ lingvistika. – Vyp. 7. – T. 2. – Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2008. – S. 100–108.

7. Lavrentieva T.V. Leksikologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka [Lexicology of the Modern French Language]. – Orsk: Izd-vo OGTI, 2010. – 95 s.

8. Tsybova I.A. Slovoobrazovanie v sovremennom frantsuzskom yazyke [Word Formation in the Modern French Language]. – M.: Vysshaya shkola, 2008. – 128 s.

9. Anscombe J.-C. La parole proverbiale // Langages. – 1994. – № 115. – P. 6–26.

10. Gréciano G. La métaphore dans le champ sémantique de l'«évaluation» // Langages. – 1989. – № 94. – P. 113–120.

11. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. – Paris: Armand Colin, 2009. – 270 p.

12. Moirand S. Les discours de la presse quotidienne. Observer, analyser, comprendre. – Paris: PUF, 2007. – 184 p.

13. Mortureux M.-F. La lexicologie entre langue et discours. – Paris: SEDES, 1997. – 224 p.

14. Picoche J., Marchello-Nizia C. Histoire de la langue française. – Paris: Nathan, 1999. – 420 p.

15. Sablayrolles J.-F. La néologie en français contemporain: Examen du concept et analyse de productions récentes. – Paris: Honoré Champion, 2000. – 320 p.

Информация об авторах

Г.Р. Галина – студентка 5 курса Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. М. Акмуллы;

С.М. Давлетшина – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и методики обучения иностранным языкам БГПУ им. Акмуллы;

Information about the authors

G.R. Galina – 5th year student of the Institute of Philological Education and Intercultural Communications of BSPU named after M. Akmulla;

S.M. Davletshina – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Methods of Teaching Foreign Languages, BSPU named after Akmulla.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; принята к публикации 15.11.2025.

The article was submitted 21.10.2025; accepted for publication 15.11.2025.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'373:81'282.2

DOI: 10.21510/3034-2694-2025-4-17-26

ВЕРЛАН КАК ПЛАСТ ФРАНЦУЗСКОГО МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА И СПОСОБЫ ЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гузель Ильнуровна Миннегалиева

Башкирский государственный педагогический университет им.

М.Акмуллы, Уфа, Россия, guzel-minnegalieva@mail.ru

Аннотация. Верлан представляет собой уникальное явление французской лингвокультуры, функционирующее как кодированная форма молодежного общения. В статье рассматриваются механизмы образования верланизированной лексики на материале современных онлайн-словарей и исследований французских и российских лингвистов. Анализ корпуса примеров выявил пять основных словообразовательных моделей: инверсия слогов, добавление или упразднение гласных звуков, сокращение слова, множественное верланирование и трансформацию звуков. Верлан эволюционировал от тайного языка маргинальных групп до широко распространенного элемента молодежной речи, проникающего в литературу, кинематограф и медиaprостранство. Лингвистический анализ показывает: верланизмы выполняют не только криптолалическую функцию, но служат маркером групповой идентичности, средством экспрессивного выражения и инструментом языкового творчества современной французской молодежи.

Ключевые слова: верлан, молодежный сленг, французский язык, словообразование, инверсия слогов, языковая игра, социолект

Для цитирования: Миннегалиева Г.И. Верлан как пласт французского молодежного сленга и способы его образования // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2025. №4. С. 17-26.

LINGUISTICS

Original article

VERLAN AS A LAYER OF FRENCH YOUTH SLANG AND THE WAYS OF ITS FORMATION

Guzel I. Minnegaliyeva

*Institute of Philological Education and Intercultural Communications, BSPU named after Akmulla, Ufa, Russia,
guzel-minnegaliyeva@mail.ru*

Abstract. Verlan is a distinctive feature of French linguoculture, serving as a coded form of communication among youth. This study investigates the mechanisms of verlanized vocabulary formation, drawing on contemporary online dictionaries and research by French and Russian linguists. An analysis of example corpora revealed five primary word-formation models: syllable inversion, vowel addition or omission, word reduction, multiple verlanization, and sound transformation. Over time, verlan has transitioned from a secret language of marginalized groups to a pervasive element of youth speech, influencing literature, cinema, and the media. Linguistic analysis demonstrates that verlanisms not only function as a cryptolalic device but also as a marker of group identity, an expressive tool, and a means of linguistic creativity among today's French youth.

Keywords: verlan, youth slang, French language, word formation, syllable inversion, language game, sociolect

For citing: Minnegaliyeva G.I. Verlan as a Layer of French Youth Slang and the Ways of Its Formation // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2025. №4. pp. 17-26.

Введение. Актуальность изучения верлана обусловлена его глубокой интеграцией в современную французскую разговорную речь, особенно в молодежной среде. Как лингвистический феномен, будучи важным элементом языковой культуры, верлан часто остается недоступным для понимания не только изучающих французский язык, но и для носителей, не принадлежащих к определенным социальным группам. Верлан (*verlan*) представляет собой способ языкового кодирования, сущность которого заключается в перестановке слогов исходного слова. Название данного явления само является продуктом этой лингвистической игры: оно образовано от инверсии слогов в выражении à l'envers, что переводится как «наоборот» [1].

Исторически верлан зародился в среде рабочего класса и иммигрантов на окраинах Парижа, выполняя функцию тайного языка, недоступного для представителей власти [2, с.194]. Э. М. Береговская пишет, что верлан вступил в новый виток своего развития, распространившись далеко за пределы маргинальных групп [3, с. 5]. Основная функция верлана сегодня – предоставление молодежи возможности языкового обособления от мира взрослых: родителей, учителей, официальных лиц. Он служит маркером групповой принадлежности и средством выражения нонконформизма.

Многие лингвисты обращались к изучению данного языкового явления. Жан-Клод Мильнер, французский философ, определяет верлан как разновидность языковой игры, где через перестановку фонемных или слоговых сегментов создается новое экспрессивное значение, функционально близкое к англоязычному «*pig Latin*» [4, с. 91].

П. Гиро, А. Кристоль и А. Брюан исследовали верланизованную лексику как неотъемлемую особенность эволюции французского языка [5, р. 125]. Американский исследователь Натали Лефковиц в своей работе «*Talking Backwards, Looking Forwards: The French Language Game Verlan*» описывает социальные функции верлана, отмечая, что инвертированные слова могут звучать более политкорректно при обсуждении деликатных тем, связанных с расовыми или национальными различиями.

В отечественной лингвистике В.В. Пылакина отмечает, что «верлан, зародившись как тайный язык деклассированных элементов, со временем распространился во все слои общества, превратившись в продуктивную словообразовательную модель» [6, с. 43]. Т.И. Жаркова показала актуальные вопросы изучения французского молодежного сленга для понимания современных тенденций развития языка [7, с. 97].

Цель настоящей работы состоит в детальном анализе путей образования лексических единиц верлана на многочисленных примерах. Источником исследования послужили данные онлайн-словарей верланизмов с интернет-ресурса *dictionnaires.com* [8, р. 45].

Методы. Нами использовались следующие методы: описательный метод для систематизации материала, метод словообразовательного анализа для выявления моделей формирования верланизмов, сопоставительный анализ с целью сравнения исходных и производных лексем, контекстуальный анализ в определении функционирования верланизмов в речи.

Результаты. Верлан представляет собой живой и продуктивный механизм словообразования в современном разговорном французском языке. Его модели не являются хаотичными, а подчиняются определенным, хотя и гибким, фонетическим и морфологическим закономерностям [9, с. 59]. Процесс верланизации часто включает несколько этапов, выходя за рамки простой перестановки слогов. В. Мела в своем исследовании «*Verlan 2000*» детально описывает эволюцию верланизованных форм и их адаптацию к современным реалиям [10, р. 18].

Современный верлан функционирует как словообразовательная модель разговорного французского языка, обеспечивая молодежи возможность дистанцироваться от представителей старшего поколения

- родителей, учителей, полицейских [11]. Исследование механизмов образования верланизмов выявляет несколько продуктивных моделей.

1. Инверсия слогов

Основным и наиболее известным способом является инверсия слогов исходного слова. Принцип разделения на слоги варьируется. В двусложных словах разделение происходит между слогами. Например, слово *femme* /fam/ условно делится на /fa-me/ и превращается в *meuf* /mœf/ (женщина). Другие примеры включают *père* /pɛʁ/ → *reup* /vøp/ (отец), *flic* /flik/ → *keuf* /kœf/ (полицейский), *mère* /mɛʁ/ → *reum* /vœm/ (мама), *frère* /fʁɛʁ/ → *reuf* /vœf/ (брат), *fête* /fɛt/ → *teuf* /tœf/ (вечеринка). В словах, состоящих из трех и более слогов, разделение обычно происходит после первого слога. Например, *ci-garete* → *garettesi* → *garetsi* (сигарета), *mu-sique* → *siquemu* → *zicmu* (музыка), *bé-ret* → *rébé* (берет), *por-tugais* → *gétu* (португалец). Данный механизм является базовым для большинства верланизмов [12, с.36]. В предложениях верланизмы функционируют естественно: *Ma meuf est sympa* (Моя девушка классная), *Les keufs sont là* (Копы здесь).

Разделение слова на слоги следует определенным правилам в зависимости от количества слогов в исходной лексеме. В словах с двумя слогами разделение происходит между ними: *fa-meu, ri-che, mor-seau*. При наличии более двух слогов деление осуществляется после первого слога с приблизительно равным распределением оставшейся части: *ci-garete, va-zy*. Односложные слова требуют искусственного создания слоговой структуры через добавление гласных: *chè-reu, blé-deu, fli-keu*.

Другая сложная модель касается верланизации трехсложных слов, где последовательность слогов может меняться не по стандартной схеме, а более произвольно, в зависимости от благозвучия и намерения говорящего. Так, слово *cigarette* (сигарета) преобразуется в *garetsi* (вероятно, через схему 2-3-1 с последующим усечением: *garette-ci*), а выражение *être énérvé* (быть злым) порождает форму *être vénère*. Слово *portugais* (португалец) может дать вариант *gaitupor*, где слоги меняются по схеме 3-2-1 (*gais-tu-por*), что наглядно иллюстрирует гибкость и непредсказуемость словотворчества в рамках данного аргю.

2. Фонетические и структурные модификации

Процесс верланизации редко ограничивается механической перестановкой. Он почти всегда сопровождается фонетическими адаптациями для благозвучия или упрощения произношения. Односложные слова могут становиться двусложными за счет произнесения немой «е» в конце. К слову добавляется звук, близкий к /œ/, что делает его более ритмичным. Примеры: *cher* → *chèreu* (дорогой), *bled* → *blèdeu* (деревня, район), *flic* → *flikeu* (полицейский, вариант *keuf*), *mec* → *keum* → *keumeu* (парень).

Продуктивной модификацией является упразднение (элизия) конечной гласной после инверсии, что делает слово короче и динамичнее. Примеры упразднения: *rigoler* → *goleri* → *rigol'* (смеяться), *défoncé* → *foncédé* → *défonc'* (пьяный, под кайфом). Иногда упраздняется начальный гласный звук, если он безударный: *énervé* → *nervé* (злой). Этот процесс демонстрирует стремление языка к экономии речевых усилий [13, с. 89]. Слово *fonsdé* является ярким примером инверсии *défoncé* с последующей фонетической адаптацией. Например: *Il est complètement fonsdé ce soir* (Он совершенно обкуранный сегодня вечером).

Одним из наименее распространенных, но лингвистически интересных способов образования верлана является прибавление специфических звуков или звукосочетаний к исходному слову. Чаще всего используются слоги *-va* или *-av*, которые вставляются между слогами исходной лексемы, создавая своеобразный ритмический рисунок. Например, приветствие *salut* трансформируется в *savalavut*, где слог *-av-* встраивается после первого согласного, а слог *-va-* появляется в середине слова, создавая удлинненную форму с характерным звучанием. Слово *moustache* (усы) преобразуется в *moustagache*, где дополнительный слог изменяет фонетическую структуру, делая слово почти неузнаваемым для непосвященных. Данный способ требует от говорящего высокой степени лингвистической компетенции и быстроты мышления, поскольку спонтанное образование таких форм в живой речи представляет значительную сложность.

Именно поэтому этот механизм остается периферийным в системе верлана и используется преимущественно в игровых ситуациях или для создания особого комического эффекта, когда говорящий намеренно усложняет коммуникацию, демонстрируя виртуозное владение языковым кодом.

3. Сокращение слова (транкация)

Трансформация слова в верлан часто сопровождается его сокращением. После инверсии слогов получившаяся форма может быть усечена для удобства произношения. Этот механизм особенно продуктивен и часто сочетается с инверсией [14, с. 73]. Например, слово *bizarre* /bi-zav/ становится *zar-bi* → *zarbi* (странный). Другие примеры: *louche* /luʃ/ → *chelou* /ʃəlu/ (подозрительный), *lourd* /lur/ → *relou* /vəlu/ (тяжелый, нудный), *musique* → *zicmu* → *zic* (музыка), *arabe* → *rabeu* → *beur* (араб). Примером служит верланизм *diska*, образованный от слова *sadique* (садистский) путем инверсии и последующего сокращения: *Ce type est vraiment diska* (Парень действительно садист).

Арабское заимствование *beur* (араб по происхождению) само является результатом верланизации слова *arabe*, а форма *rebeu*

представляет собой повторную инверсию. Сокращенная форма *musique* → *zic* (музыка) демонстрирует радикальную редукцию после перестановки слогов. В контексте: *C'est trop zarbi ce truc* (Слишком странная штука), *T'es vraiment relou aujourd'hui* (Ты сегодня действительно раздражаешь).

4. Трансформация односложных слов

Односложные слова представляют особый случай. Если слово состоит из одного слога, инверсии подвергаются составляющие его звуки или буквы. Примеры: *fou* → *ouf* (сумасшедший), *nez* → *zen* (нос), *bus* → *sub* (автобус), *chaud* → *auche* (горячий). Этот процесс часто сопровождается изменением гласных для благозвучия. Например, в односложных словах, оканчивающихся на закрытый слог, гласная основы может меняться: *merci* /mɛʁ-si/ → *si-mer* → *cimère* (спасибо). Здесь гласный звук /ɛ/ в слове *mer* трансформировался в /i/ для более гармоничного звучания. Верланизм *en deuspi* (быстро), образованный от английского *speed*, также демонстрирует сложную фонетическую трансформацию.

5. Множественное верланирование (двойной верлан)

Одним из наиболее интересных явлений является двойной верлан, когда уже существующий верланизм подвергается повторной инверсии. Этот процесс возникает, когда слово из верлана становится слишком распространенным и теряет свою «секретную» или экспрессивную функцию [15, с. 90]. Тогда молодежь создает новую форму, чтобы снова отграничить свой язык. Классические примеры: *femme* → *meuf* (первый верлан) → *feumeu* (второй верлан); *arabe* → *beur* (первый верлан) → *rebeu* (второй верлан). Этот механизм наглядно иллюстрирует непрерывный творческий процесс в языке и стремление к обновлению экспрессивных средств.

6. Трансформация звуков и фонетическая игра

Трансформация звуков обогащает верлан дополнительными выразительными возможностями. Изменение гласных основ наблюдается в односложных словах с закрытым слогом: *nez* → *zen* (нос), *cul* → *ulc* (зад), где происходит не только инверсия, но и модификация вокализма. Некоторые формы демонстрируют изменение структуры слова: односложные лексемы становятся двусложными благодаря озвучиванию непроизносимой *e*: *cher* [ʃɛʁ] → *chèreu* [ʃɛʁø]. Замена согласных для благозвучия встречается в формах типа *beul* вместо ожидаемого *beur*, где [l] заменяет [r] для создания особого фонетического эффекта.

Обсуждение. Проведенный анализ демонстрирует, что верлан представляет собой сложную систему словообразовательных моделей, выходящую далеко за рамки простой механической инверсии слогов. Доминирующим типом остается инверсия слогов, составляющая около 60% всех верланизмов в исследованном корпусе. Сокращение слова

сопровождает примерно 25% случаев верланизации, делая новообразования более удобными для устной коммуникации. Добавление или упразднение гласных характерно для 20% верланов, множественное верланирование встречается в 5% случаев, а фонетические трансформации наблюдаются в 15% примеров (некоторые верлановые сочетают несколько механизмов).

Верлан функционирует не просто как языковая игра, но как полноценный социолект, маркирующий принадлежность к определенной возрастной и социальной группе. Проникновение верланов в литературу, кинематограф (особенно после фильма М. Кассовица «Ненависть») и медиaprостранство свидетельствует о его растущей легитимации в современной французской культуре [5, с. 195]. Верлановые слова регулярно появляются в текстах рэп-исполнителей, становятся названиями брендов и проникают в рекламный дискурс.

Лингвистическая значимость верлана выходит за рамки простого сленгового явления. Он демонстрирует творческий потенциал языка, способность носителей к осознанной модификации языкового кода, гибкость французской фонетической системы. Верлан служит лабораторией языкового эксперимента, где тестируются границы понимания и возможности деформации слова при сохранении коммуникативной функции.

Социолингвистический аспект верлана раскрывает механизмы формирования групповой идентичности через язык. Владение верланом становится своеобразным паролем для входа в молодежную субкультуру, инструментом солидарности и одновременно барьером для непосвященных. Верлановые слова часто смягчают табуированную лексику, делая ее более приемлемой в публичном дискурсе.

Заключение. Итак, исследование механизмов образования верлана выявило многообразие словообразовательных стратегий, применяемых носителями французского языка для создания кодированной формы коммуникации. Инверсия слогов остается базовым принципом, но дополняется комплексом фонетических и морфологических трансформаций, обеспечивающих благозвучие и экспрессивность новообразований. Верлан эволюционировал от маргинального аргота до значимого компонента современной французской лингвокультуры, отражающего динамические процессы в молодежной речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верлан // Русская Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Верлан> (дата обращения: 14.10.2024).

2. Николаенко А.Д. Верлан как вариант молодежного сленга на примере художественного фильма «Ненависть» // Вестник

Московского государственного областного университета. 2010. №1. С. 193–195.

3. Береговская Э. М. Верлан на новом витке своей истории // Нормы человеческого общения: тезисы докладов международной научной конференции. 1997. С. 5–6.

4. Мильнер Ж.-К. Языковые игры: теоретический аспект // Философия языка. 2018. № 4. С. 89-97.

5. Seguin B., Teillard F. Les céfrans parlent aux français. *Chronique de la langue des cités*. Paris: Editions Seuil, 1998. 296 p.

6. Пылакина В.В. Верлан в современном французском языке // Вестник филологических наук. 2019. № 3. С. 42–50.

7. Жаркова Т.И. О сленге французской молодежи // Иностранные языки в школе. 2005. №1. С. 96–100.

8. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! *Dictionnaire du français contemporain des cités*. 2nd ed. Paris: Maisonneuve & Larose, 1998. 182 p.

9. Радышевцева А.Д., Давлетшина С.М. Верлан как словообразовательная модель французского разговорного языка // Лингвистический журнал. 2020. Т. 15, № 1. С. 58–65.

10. Méla V. Verlan 2000 // *Langue française*. 1997. No. 114. pp. 16–34.

11. Волкова А.И. Верланизмы в современном французском языке // Современные тенденции развития французского языка. 2020. URL: <https://core.ac.uk/download/323516960.pdf> (дата обращения: 14.10.2024).

12. Багаутдинова И.С. Верлан как пласт молодежного сленга французского языка: способы образования // Вестник современной лингвистики. 2021. № 2. С. 34–42.

13. Пылакина В. В. Заимствование как один из путей обогащения лексики французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №12 (723). С. 86-92.

14. Вахитова Л. В. Верлан – продуктивный способ образования современной французской арготической лексики // Теория поля в современном языкознании: Межвузовский сборник. 2002. С. 72–75.

15. Седых А. П., Бузинова Л. М. Французская языковая личность: академический и хроматический дискурс. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128 с.

REFERENCES

1. Wikipedia: Verlan. Russian Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Верлан> (accessed: 14.10.2024).

2. Nikolaenko A.D. Verlan as a variant of youth slang in the film "La Haine". Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2010. No. 1. pp. 193–195.
3. Beregovskaya E. M. Verlan at a new stage of its history. Normy chelovecheskogo obshcheniya: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 1997. pp. 5–6.
4. Milner J.-C. Language games: theoretical aspect. Filosofiya yazyka. 2018. No. 4. pp. 89-97.
5. Seguin B., Teillard F. The Céfrans Speak to the French. Chronicle of the Language of the Cities. Paris: Editions Seuil, 1998. 296 p.
6. Pylakina V.V. Verlan in modern French. Vestnik filologicheskikh nauk. 2019. No. 3. P. 42–50.
7. Zharkova T. I. On French youth slang. Inostrannye yazyki v shkole. 2005. No. 1. pp. 96–100.
8. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches! Dictionary of Contemporary French of the Cities. 2nd ed. Paris: Maisonneuve & Larose, 1998. 182 p.
9. Radyshevtseva A.D., Davletshina S.M. Verlan as a word-formation model of modern colloquial French. Lingvisticheskiy zhurnal. 2020. Vol. 15, No.1. pp. 58–65.
10. Méla V. Verlan 2000. Langue française. 1997. No.114. pp. 16–34.
11. Volkova A.I. Verlanisms in modern French. Sovremennye tendentsii razvitiya frantsuzskogo yazyka. 2020. URL: <https://core.ac.uk/download/323516960.pdf> (accessed: 14.10.2024).
12. Bagautdinova I. S. Verlan as a layer of youth slang in French: methods of formation. Vestnik sovremennoy lingvistiki. 2021. No. 2. pp. 34–42.
13. Pylakina V.V. Borrowing as one of the ways to enrich the vocabulary of the French language // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2015. №12 (723). pp. 86-92.
14. Vakhitova L.V. Verlan as a productive method of forming modern French argotic vocabulary. Teoriya polya v sovremennom yazykoznanii: Mezhvuzovskiy sbornik. 2002. pp. 72–75.
15. Sedykh A. P., Buzinova L. M. French Linguistic Personality: Academic and Chromatic Discourse. Moscow: LENAND, 2019. 128 p.

Информация об авторах

Г.И. Миннегалиева – студентка 5 курса Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. Акмуллы.

Information about the authors

G.I. Minnegalieva – 5th year student of the Institute of Philological Education and Intercultural Communications of BSPU named after Akmulla.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; принята к публикации 15.11.2025.

The article was submitted 21.10.2025; accepted for publication 15.11.2025.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.161.1:37.091

DOI: 10.21510/3034-2694-2025-4-27-41

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Го Вэйпэн

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, guo3531740656@163.com

Аннотация. В статье рассмотрены результаты анализа применения современных педагогических технологий в преподавании русского языка как иностранного. Показано, что переход от знаниевой парадигмы к компетентностному и личностно-деятельностному подходам создал основу для внедрения инноваций в образовательный процесс. Особое внимание уделено классификации технологий, включающей личностно-ориентированные, информационно-коммуникационные, интерактивные, коммуникативные, проблемные и дифференцированные методы. Отмечается их потенциал в индивидуализации обучения, развитии критического мышления и формировании исследовательских умений. Приведены примеры практического применения мультимедийных ресурсов, проектных заданий и разноуровневых упражнений. Выявлены ключевые барьеры внедрения технологий — недостаточная цифровая компетентность преподавателей, трудоёмкость создания материалов и риск подмены педагогических задач техническими средствами. Сделан вывод, что эффективность определяется методической обоснованностью и соответствием целям формирования коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: русский как иностранный; педагогические технологии; цифровая трансформация; информационно-коммуникационные технологии; дифференцированное обучение; интерактивные методы; проектная деятельность; игровые технологии; мультимедиа; смешанное обучение; мобильное обучение

Для цитирования: Го Вэйпэн. Применение современных технологий в преподавании русского языка // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы.

Серия: Филологические науки. 2025. № . С. 27-41.

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Original article

THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN

Guo Weipeng

*Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen,
St. Petersburg, Russia, guo3531740656@163.com*

Abstract. The article presents the results of an analysis of modern pedagogical technologies in teaching Russian as a foreign language. It is shown that the transition from a knowledge-centered paradigm to competency-based and learner-centered approaches has created a foundation for the integration of innovations into the educational process. Particular attention is given to the classification of technologies, including learner-centered, information and communication, interactive, communicative, problem-based, and differentiated methods. Their potential is revealed in the personalization of learning, the development of critical thinking, and the acquisition of research skills. Examples include the use of multimedia resources, project-based tasks, and multi-level exercises. The study identifies major barriers to implementation, such as insufficient digital competence of teachers, the workload of developing materials, and the risk of replacing pedagogical aims with technical tools. It concludes that effectiveness depends on methodological soundness and alignment with the goals of communicative competence formation.

Keywords: Russian as a foreign language; pedagogical technologies; digital transformation; information and communication technologies; differentiated instruction; interactive methods; project-based learning; game-based learning; multimedia; blended learning; mobile learning.

For citing: Guo W. The use of modern technologies in teaching Russian // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2025. № . pp. 27-41.

Введение. Актуальность исследования применения современных технологий в преподавании РКИ обусловлена парадигмальным сдвигом в образовании в условиях цифровой трансформации. Традиционные методы обучения демонстрируют недостаточную эффективность для формирования коммуникативной компетенции, соответствующей требованиям современных образовательных стандартов. Интеграция технологических решений становится важной

задачей, отвечающей вызовам глобализации и возросшей академической мобильности.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам технологизации лингвистического образования, комплексный анализ педагогических технологий с позиций их методологической обоснованности и эффективности именно в контексте изучения русского языка как иностранного (РКИ) остается недостаточно разработанным. Целью настоящего исследования является системный анализ современных технологий и оценка их дидактического потенциала для преподавания русского языка как иностранного.

Материалы и методы. Методологическую основу работы составляют системный подход и сравнительный анализ существующих педагогических практик, в работе использовался метод сравнительно-сопоставительного анализа для выявления и классификации основных групп педагогических технологий, а также метод критического анализа и систематизации для выявления и классификации основных групп педагогических технологий и определения перспективных направлений развития.

В качестве материалов исследования выступили научные публикации (статьи, монографии, материалы конференций), учебные программы, Интернет-сайты и онлайн платформы, направленные на обучение русскому языку.

Исследование включало следующие этапы:

Анализ и отбор релевантных научных источников и материалов исследования для формирования корпуса исследования.

Сравнительно-сопоставительный анализ для выявления, классификации и описания ключевых групп педагогических технологий в области РКИ.

Критический анализ и систематизация данных о дидактическом потенциале, барьерах внедрения и перспективных направлениях развития технологий.

Результаты. Проведенный анализ позволил систематизировать современные педагогические технологии в области РКИ в три ключевых кластера:

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ): языковые платформы («Образование на русском», YouLang), мобильные приложения (Duolingo, Babbel), ресурсы на основе ИИ (чат-боты, речевые тренажеры), технологии VR/AR (Mondly VR), системы управления обучением (Moodle, Google Classroom).

Интерактивные и коммуникативные технологии: обучение в сотрудничестве (работа в малых группах), игровые методы (ролевые, деловые игры, метод драматизации), проектная деятельность (например, проект «Портрет одного слова»).

Личностно-ориентированные технологии: проблемно-ориентированное обучение (создание проблемных ситуаций) и дифференцированное обучение (реализуемое через систему разноуровневых заданий, в том числе на основе таксономии Б. Блума).

Выявленные барьеры внедрения современных педагогических технологий:

Недостаточная цифровая компетентность части преподавателей.

Высокая трудоемкость и ресурсоемкость разработки технологичных материалов.

Дидактический риск подмены учебных целей техническими средствами

Обсуждение. Эволюция целей обучения РКИ наглядно отражает общую траекторию развития педагогической науки — переход от парадигмы, направленной на улучшение знаний, умений и навыков (ЗУН) к ориентации на развитие личности и формирование практических компетенций.

В течение долгого времени доминировал грамматико-переводной метод, где целью обучения было развитие логического мышления, кругозора и умения анализировать грамматические конструкции через перевод текстов. Этот подход, господствовавший в XVIII-XIX вв., хотя он обеспечивал глубокое понимание системы языка, однако зачастую не формировал способности к реальному общению. Схожие цели преследовал метод использования аутентичных текстов, ставивший во главу угла изучение подлинных художественных произведений [3].

Ответом на запрос, требовавший умения практически использовать язык, стало появление натурального и прямого методов. Они имитировали естественное усвоение языка, подобно тому, как ребенок осваивает родную речь, делая акцент на устном общении и беспереводном овладении языком [3]. Дальнейшее развитие методики, подкрепленное данными лингвистики и психологии, привело к становлению коммуникативного подхода, который в современной методике преподавания РКИ признан широко применяемым и теоретически обоснованным. Его ключевая идея заключается в том, что обучение грамматике и лексике подчинено главной цели — формированию коммуникативной компетенции, то есть способности свободно владеть языком как средством общения [2, с. 135].

Современные образовательные стандарты (ФГОС и их аналоги) закрепляют этот переход, выдвигая на первый план компетентностный и личностно-деятельностный подходы [4]. Основная цель сегодня — не просто накопление учениками суммы знаний, умений и навыков (ЗУН), а подготовка их как самостоятельных субъектов образовательной деятельности. В рамках этого подхода учебные заведения должны формировать у учащихся универсальные учебные

действия (познавательные, коммуникативные, регулятивные), способность нестандартно мыслить и решать практические задачи [12]. Таким образом, фокус сместился с «чему учить» на «как учить», чтобы студент мог успешно действовать в различных коммуникативных ситуациях.

В современной методике важно разграничивать следующие базовые понятия:

- Метод обучения — это системообразующая категория, представляющая собой фундаментальное направление в обучении, определяемое целью, содержанием и способами усвоения знания. Примером могут служить упомянутые выше грамматико-переводной, прямой или коммуникативный методы [3, с.131].

- Педагогическая технология — конкретная модель совместной учебно-педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса. Ключевые критерии: проектируемость, воспроизводимость, измеряемость результата [5, с. 73].

- Форма обучения — внешняя сторона организации процесса (урок, лекция, семинар, дистанционный курс, проект).

- Прием обучения — конкретный элемент метода, направленный на решение узкой учебной задачи (например, использование ассоциативного ряда или опорного конспекта для семантизации новой лексики) [12].

Современные педагогические технологии, применяемые в преподавании русского языка как иностранного, можно условно разделить на несколько ключевых направлений, каждое из которых ориентировано на решение специфических задач. Одним из наиболее значимых направлений являются личностно-ориентированные технологии, в центре которых находится ученик как активный субъект образовательного процесса. Здесь особое внимание уделяется индивидуальному опыту, познавательным возможностям и образовательным потребностям обучающегося [8]. Так, технология уровневой дифференциации предполагает распределение учебного материала по степени сложности, что позволяет каждому студенту осваивать программу в зоне своего ближайшего развития и переживать ситуации успеха. В свою очередь, проблемноориентированное обучение основывается на создании педагогом учебных ситуаций, требующих самостоятельного поиска решений и стимулирующих познавательную активность учащихся [1].

Важное место в современной методике занимает использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Их дидактический потенциал заключается в повышении наглядности, индивидуализации образовательной траектории и создании интерактивной среды. Среди наиболее распространённых форм

применения можно выделить использование мультимедийных презентаций, онлайн-платформ (например, YouLang [14]), цифровых тренажёров и электронных образовательных ресурсов. Кроме того, именно ИКТ создают возможности для организации дистанционного обучения и проведения телемостов, что позволяет преодолевать географические барьеры. Существенное значение имеет также использование электронных словарей и корпусов текстов, которые способствуют развитию навыков чтения и пополнению словарного запаса [5, с. 71-74].

Наконец, значимым направлением выступают интерактивные технологии, ориентированные на организацию активного взаимодействия между участниками образовательного процесса. Среди них выделяются игровые методы, включая деловые, ролевые и компьютерные игры, которые одновременно выполняют мотивационную функцию и обеспечивают отработку орфоэпических, лексических и грамматических норм в условиях, приближенных к реальному общению [12]. Эффективным инструментом также является обучение в сотрудничестве, предполагающее работу в малых группах для решения коммуникативных задач. Существенную роль играет и метод проектов, позволяющий обучающимся интегрировать полученные знания в исследовательскую или творческую деятельность и представлять результаты в виде презентаций, видеороликов или статей [5].

Применение данных технологий в комплексе обеспечивает гибкость образовательного процесса, позволяя педагогу одновременно соответствовать требованиям образовательных стандартов и учитывать индивидуальные особенности обучающихся. В конечном счёте, это способствует более эффективному формированию коммуникативной компетенции и успешной интеграции иностранных студентов в языковую среду.

Дидактический потенциал ИКТ в обучении РКИ отличается многогранностью и во многом превосходит возможности традиционных методов. Одним из ключевых преимуществ их применения является повышение наглядности и качества понимания учебного материала. Использование мультимедийных средств — изображений, видеофрагментов и анимации — позволяет визуализировать абстрактные грамматические правила и лексические значения, что значительно облегчает их восприятие и способствует более прочному запоминанию. Иллюстрации и графические схемы, применяемые в процессе обучения, способствуют структурированию информации и повышают эффективность усвоения отдельных тем.

Не менее значимой является функция индивидуализации обучения. Цифровые платформы и образовательные приложения предоставляют студентам возможность работать в собственном темпе,

возвращаться к сложным темам и выстраивать персонализированную образовательную траекторию, учитывающую их уровень подготовки и цели. Такой подход формирует у обучающихся навыки самостоятельности и способствует развитию индивидуального стиля обучения [10]. Использование онлайн-тестов, тренажёров и интерактивных заданий позволяет учащимся получать немедленную обратную связь, своевременно выявлять ошибки и оперативно корректировать их. Ряд исследований подтверждает, что активное включение обучающихся в процесс познания существенно повышает эффективность усвоения материала [7]. Наконец, важной функцией ИКТ выступает формирование виртуальной языковой среды. Современные цифровые инструменты разрушают географические барьеры и создают условия для постоянного «погружения» в язык, что особенно актуально для студентов, находящихся вне русскоязычного окружения. Организация дистанционного обучения, проведение телемостов и использование онлайн-ресурсов позволяют учащимся поддерживать контакт с живой речевой практикой и значительно расширяют их коммуникативные возможности [9].

Установлено, что внедрение ИКТ в образовательный процесс не только расширяет педагогический инструментарий, но и обеспечивает условия для более эффективного формирования языковой и коммуникативной компетенции у иностранных студентов.

Формы реализации ИКТ разнообразны и продолжают развиваться:

- Языковые обучающие платформы и приложения: Такие ресурсы, как «Образование на русском» (eduruss.ru), «Русский тест» (russian-test.com), а также международные платформы Coursera и Stepik, предлагают структурированные курсы по РКИ.

- Мобильные приложения, такие как Duolingo, Babel и LingQ, используют игровые механики для тренировки лексики и грамматики, поддерживая мотивацию учащихся

- Ресурсы на основе искусственного интеллекта (ИИ): Чат-боты на базе моделей вроде DeepSeek стали эффективным инструментом для отработки диалоговой речи без стресса, связанного с общением с живым человеком. Речевые тренажеры с функцией распознавания речи анализируют произношение и дают рекомендации по его улучшению.

- Технологии виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности: Приложения вроде Mondly VR предлагают интерактивные симуляции, где студент может практиковать язык с виртуальными собеседниками в смоделированных реальных ситуациях (например, в кафе или магазине). AR-приложения помогают изучать новые слова, «оживляя» учебные материалы с помощью визуальной поддержки.

- Дистанционные курсы и системы управления обучением

(LMS): Платформы, такие как Google Classroom, Moodle и Canvas LMS, организуют учебный процесс, обеспечивая доступ к материалам, заданиям и служа связывающим звеном для общения между преподавателем и студентами на расстоянии. Они позволяют реализовать гибридные модели обучения, сочетающие онлайн и офлайн-форматы.

Анализ показывает, что ИКТ занимают особое место в системе преподавания русского языка как иностранного, поскольку они напрямую ориентированы на формирование коммуникативной компетенции, рассматриваемой в современной методике как основная цель обучения. Одним из наиболее эффективных инструментов в данном направлении выступает технология обучения в сотрудничестве. Она предполагает организацию работы студентов в малых группах над общей задачей — например, совместное создание презентации или решение коммуникативного кейса. Подобное взаимодействие не только развивает навыки спонтанной речи, но и способствует формированию умения слушать собеседника, аргументированно выражать собственную точку зрения, а также непроизвольно усваивать новые языковые конструкции, обучаясь у других участников группы. В такой модели роль преподавателя трансформируется: он выступает уже не как транслятор знаний, а как наставник и координатор учебной деятельности.

Существенный потенциал в развитии коммуникативных навыков имеют игровые методы обучения, которые выполняют сильную мотивационную функцию и повышают уровень вовлеченности студентов. Особое место занимают ролевые и деловые игры, моделирующие реальные жизненные ситуации («Знакомство», «Заказ билетов», «Собеседование» и др.), что позволяет обучающимся в безопасной обстановке отрабатывать лексику, грамматические структуры и орфоэпические нормы. Вариантом игровой технологии является метод драматизации: разыгрывание небольших сценок на русском языке способствует не только развитию речи, но и помогает преодолевать языковой барьер, обеспечивая эмоциональную раскрепощенность обучающихся. Дополнительные возможности предоставляют дидактические онлайн-игры и квесты, предлагаемые современными образовательными платформами, благодаря которым процесс закрепления языкового материала становится более увлекательным и продуктивным.

Не менее значимой является проектная технология, ориентированная на применение полученных знаний в исследовательской и творческой деятельности. Метод проектов предполагает решение практических задач, требующих анализа и систематизации информации. Так, в рамках проекта «Портрет одного слова» студенты исследуют историю происхождения конкретной

лексемы, её значение, синонимические и антонимические ряды, особенности употребления в устойчивых выражениях и художественных текстах. Итогом работы становится презентация или стендовый доклад, позволяющий обучающимся развивать исследовательские навыки, умение находить и критически анализировать информацию, а также приобретать опыт публичных выступлений на русском языке.

Таким образом, интерактивные и коммуникативные технологии обеспечивают условия для активного усвоения иностранными студентами языковых норм в ситуациях, приближенных к реальному общению, а также способствуют формированию ключевых академических и социальных компетенций.

Технологии проблемноориентированного и дифференцированного обучения ориентированы на развитие критического мышления студентов и учёт индивидуальных особенностей каждого обучающегося. Их объединяет стремление создать условия, при которых усвоение знаний становится не механическим воспроизведением информации, а результатом активного поиска и осмысленного анализа [8].

Суть проблемноориентированного обучения заключается в организации на занятии ситуаций интеллектуального затруднения, так называемых «проблемных ситуаций». В этих условиях преподаватель не предлагает готового решения, а ставит перед студентами исследовательскую задачу, требующую самостоятельного анализа. Например, обсуждение вопроса «Почему в данном предложении используется глагол движения *идти*, а не *ходить*?» стимулирует учащихся к поиску закономерностей, сравнению языковых явлений и формулированию собственных гипотез. Такой подход повышает уровень познавательной активности студентов и способствует более глубокому и осознанному усвоению материала.

Дифференцированное обучение, в свою очередь, рассматривается как один из ключевых инструментов реализации личностно-ориентированного подхода в соответствии с современными образовательными стандартами. Его цель состоит в адаптации содержания и темпа обучения к индивидуальным возможностям студентов, что позволяет избежать как перегрузки, так и недостаточной сложности учебного материала. В основе технологии лежит принцип разделения учебного содержания на обязательный базовый уровень и несколько повышенных уровней, доступных для освоения в зависимости от способностей и интересов обучающихся.

Практическая реализация этого подхода в преподавании русского языка как иностранного осуществляется через систему разноуровневых заданий. Одной из наиболее эффективных моделей считается структура, основанная на «Таксономии учебных задач» Б.

Блума, которая выделяет шесть уровней познавательной деятельности. Например, при изучении темы «Местоимение»: [11]

Уровень 1 (Знание): Определить разряды местоимений в тексте.

Уровень 2 (Понимание): Обозначить их грамматическую форму.

Уровень 3 (Применение): Выписать все местоимения в таблицу по разрядам.

Уровень 4 (Анализ): Предложить синонимы к местоимениям в тексте.

Уровень 5 (Синтез): Составить предложения с синонимичными местоимениями.

Уровень 6 (Оценка): Объяснить, почему автор выбрал именно эти местоимения, и оценить уместность их замены.

Такой подход позволяет создать ситуацию успеха для каждого ученика, учитывая его познавательные возможности и способности.

Несмотря на очевидный дидактический потенциал, интеграция современных технологий в практику преподавания РКИ сталкивается с рядом системных проблем. Ключевым барьером остается недостаточная цифровая компетентность части преподавателей. Многие педагоги, особенно старшего поколения, не обладают достаточными навыками для создания интерактивных заданий, работы с образовательными платформами или использования специализированного программного обеспечения [1]. Это приводит к тому, что даже при наличии технического оснащения технологии используются фрагментарно и несистемно, зачастую сводясь к демонстрации презентаций вместо традиционных плакатов.

Другой значимой проблемой является высокая трудоемкость и ресурсоемкость разработки технологичных материалов. Создание качественного интерактивного курса, подбор и адаптация цифровых ресурсов под конкретные учебные задачи требуют на порядок больше времени, чем подготовка к традиционному уроку [10]. Преподаватели оказываются перед дилеммой: тратить огромные личные ресурсы на разработку контента или использовать готовые, но не всегда идеально подходящие решения, что снижает эффективность обучения.

Также существует дидактический риск подмены учебных целей техническими средствами. Увлечение технологическими новинками может привести к ситуации, когда яркие визуальные эффекты и сложный интерфейс становятся самоцелью, оттесняя на второй план собственно лингводидактические задачи [7]. Языковой урок может превратиться в демонстрацию возможностей программного обеспечения, при этом коммуникативные навыки студентов не получают должного развития. Критически важно помнить, что технология — это инструмент, а не цель обучения.

Наиболее перспективными направлениями развития являются:

Смешанное обучение, которое органично сочетает традиционные аудиторные занятия с онлайн-активностями. Такая модель позволяет вынести рутинные операции (например, отработку лексико-грамматических упражнений) в асинхронный онлайн-формат, высвобождая аудиторное время для живого общения и интерактивных форм работы, что особенно ценно для формирования коммуникативной компетенции [13].

Интеграция мобильных технологий (m-learning) для организации непрерывного и контекстного процесса обучения. Использование мобильных приложений для микрообучения, аудиотренажеров для постановки произношения и QR-кодов для быстрого доступа к ресурсам на уроке делает изучение языка более гибким и интегрированным в повседневную жизнь [9].

Использование больших данных (big data) и технологий искусственного интеллекта для создания адаптивных обучающих систем, предлагающих персональную образовательную траекторию. Анализ больших массивов данных о типичных ошибках учащихся позволяет выявлять устойчивые трудности и закономерности в усвоении материала [15].

В новых условиях меняется и роль преподавателя РКИ, что влечет за собой необходимость формирования расширенного набора профессиональных компетенций. Фундаментом является формирование профессиональной ИКТ-компетентности. Преподаватель должен не просто уметь пользоваться компьютером, но и критически оценивать образовательный цифровой контент, выбирать адекватные технологические инструменты для решения конкретных педагогических задач и интегрировать их в учебный процесс [16].

Помимо технических навыков, возрастает потребность в развитии аналитических умений. Современный педагог должен уметь работать с данными, которые предоставляют образовательные платформы: анализировать прогресс студентов, идентифицировать проблемные зоны и на основе этого подхода вносить коррективы в свою методику [16].

Не менее важны рефлексивные умения — способность к критическому самоанализу и постоянному профессиональному самосовершенствованию. В быстро меняющемся технологическом ландшафте педагог должен быть готов гибко адаптироваться, осваивать новые инструменты и пересматривать устоявшиеся подходы.

Наконец, вопреки распространенному мнению, коммуникативные и эмоциональные навыки не теряют, а усиливают свою значимость. В высокотехнологичной образовательной среде именно преподаватель выступает ключевым элементом, обеспечивающим личностный контакт, мотивационную поддержку и создание благоприятной психологической атмосферы,

способствующей преодолению языкового барьера. Технологии не заменяют педагога, но требуют от него качественно нового уровня мастерства.

Проведенный анализ позволил установить, что синергетический потенциал технологий заключается в создании гибкой, персонализированной образовательной среды, которая способствует не только усвоению языковых норм, но и развитию критического мышления, исследовательских навыков и коммуникативной компетенции. Критическим условием эффективности их применения является не техническая оснащённость, а методическая обоснованность интеграции, позволяющая преодолеть ключевые барьеры.

Заключение. Анализ современных педагогических технологий в преподавании РКИ показал, что их системное и методически обоснованное применение способствует повышению эффективности обучения и формированию коммуникативной компетенции. Информационно-коммуникационные, интерактивные и дифференцированные технологии создают условия для индивидуализации обучения и активизации познавательной деятельности студентов.

Несмотря на существующие барьеры, такие как недостаточная цифровая компетентность преподавателей и трудоёмкость подготовки материалов, перспективные направления — смешанное обучение, мобильные технологии и аналитика больших данных — открывают новые возможности для персонализации образовательного процесса. Дальнейшие исследования следует направить на разработку критериев оценки эффективности технологий и оптимальных моделей их интеграции в учебный процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асмолов А.Г. Системно-деятельностный подход в разработке стандартов нового поколения/ Педагогика М.: 2009 – №4. – С. 18-22.
2. Голинежад Бодаг Л., Захраи С. Х., Шейхи Джоландан Н. Теоретические основы актуальности применения коммуникативного подхода в преподавании грамматики русского языка как иностранного // Мир науки, культуры, образования. – 2022. №1 (92), 2022, С. 131-133. doi:10.24412/1991-5497-2022-192-131-133.
3. Гусевская Н.Ю. Эволюция методов обучения иностранному языку // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2013. №6 (53). с. 167-171
4. Дахин А.Н. К вопросу об образовательной среде // Д.В. Вилисов, А.Н. Дахин // Материалы XI Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск,

21 ноября 2019 г. Под общей редакцией С. А. Куценко. – 2019. – С. 29-34.

5. Кадыралиева А.Б., Сарыбашева Г.Т., Атамбиева А.А. Новые технологии в обучении русскому языку // Международный журнал гуманитарных и естественных наук./ 2023. № 12-2 (87). С. 71-74. doi:10.24412/2500-1000-2023-12-2-71-74.

6. Китайгородская Г.В., Ковалева А.А. Цифровая трансформация лингвистического образования: вызовы и возможности // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023). – 2023. – С. 430-439. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-lingvisticheskogo-obrazovaniya-vyzovy-i-vozmozhnosti> (дата обращения: 28.08.2025).

7. Ларина А.С., Долматова Т.А. Возможности современных информационных технологий при геометрической подготовке к ОГЭ // Электронный научный журнал "Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании". – 2025. – № 3 (96). – URL: <https://infed.ru/articles/10452/> (дата обращения: 28.08.2025).

8. Лысакова И.П. Развитие современной методики обучения РКИ: актуальное и традиционное // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация/ 2005. № 4, С. 134-139.

9. Матназаров Р., Чимбергенов Б. Инновационные подходы к обучению русскому языку как иностранному: интеграция технологий и коммуникативных методов // Инновационные исследования в современном мире: теория и практика. – 2025. – Т. 4. – № 6. – С. 4-5.

10. Пирнепесова Г.Н., Ковалёв Н.С. Современные технологии преподавания русского языка как иностранного // Инновационная наука/ 2025. №. 3-2-1. с. 66-67.

11. Разноуровневые задания на уроках русского языка: примеры, специфика // EduNeo. – URL: <https://www.eduneo.ru/raznourovnevye-zadaniya-na-urokax-russkogo-yazyka/> (дата обращения: 28.08.2025).

12. Сайченко Ю.А. Современные педагогические технологии на уроках русского языка в практике педагога // NIC-Snail. — 2024. — URL: <https://nic-snail.ru/pedagogu/articles/3979034> (дата обращения: 30.08.2025).

13. Троцюк С.Н. Дидактический потенциал дистанционного лингвистического обучения в современных условиях // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2022. Т. 8. №2. URL: <https://rrpedagogy.ru/journal/article/2724/> (дата обращения: 30.08.2025).

14. ЮLang – учебные материалы по русскому как иностранному. – URL: <https://youlang.ru/> (дата обращения: 30.09.2025).

15. Arkhipov. M., Kuratov Y. Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language // arXiv. – 2019. — URL: <https://arxiv.org/abs/1905.07213>
16. Bondarenko O., Tarasenko R., Amelina S., Kazhan Y. The use of AR elements in the study of foreign languages at the university // arXiv. – 2022. – URL: <https://arxiv.org/abs/2202.09161>.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. “Sistemno-deyatelnostny podkhod v razrabotke standartov novogo pokoleniya.” *Pedagogika*, no. 4 (2009): 18–22.
2. Golinezhad Bodag, L., S.Kh. Zakhrayi, and J. Sheykhi Jolandan. “Teoreticheskie osnovy aktual'nosti primeneniya kommunikativnogo podkhoda v prepodavanii grammatiki russkogo yazyka kak inostrannogo.” *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* 1, no. 92 (2022): 131–133. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-192-131-133>.
3. Gusevskaya N.Yu. “Evolutsiya metodov obucheniya inostrannomu yazyku.” *Uchyonye zapiski ZabGU. Seriya: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya* 6, no. 53 (2013): 167–171.
4. Dakhin, A.N., and D.V. Vilisov. “K voprosu ob obrazovatel'noy srede.” In *Materialy XI Mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, edited by S. A. Kutsenko, 29–34. Novosibirsk, 2019.
5. Kadyralieva, A. B., G. T. Sarybasheva, and A. A. Atambieva. “Novye tekhnologii v obuchenii russkomu yazyku.” *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* 12-2, no. 87 (2023): 71–74. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-12-2-71-74>.
6. Kitaygorodskaya, G.V., and A.A. Kovaleva. “Tsifrovaya transformatsiya lingvisticheskogo obrazovaniya: vyzovy i vozmozhnosti.” In *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2023)*, 430–439. 2023. Accessed August 28, 2025. <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-lingvisticheskogo-obrazovaniya-vyzovy-i-vozmozhnosti>.
7. Larina, A.S., and T.A. Dolmatova. “Vozmozhnosti sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy pri geometricheskoy podgotovke k OGE.” *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v pedagogicheskoy obrazovanii*, no. 3 (96), 2025. Accessed August 28, 2025. <https://infed.ru/articles/10452/>.
8. Lysakova, I.P. “Razvitie sovremennoy metodiki obucheniya RKI: aktual'noe i traditsionnoe.” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 4 (2005): 134–139.
9. Matnazarov, R., and B. Chimbergenov. “Innovatsionnye podkhody k obucheniyu russkomu yazyku kak inostrannomu: integratsiya tekhnologiy i kommunikativnykh metodov.” *Innovatsionnye issledovaniya v*

sovremennom mire: teoriya i praktika 4, no. 6 (2025): 4–5.

10. Pirnepesova, G.N., and N.S. Kovalyov. “Sovremennye tekhnologii prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo.” *Innovatsionnaya nauka 3-2-1* (2025): 66–67.

11. “Raznourovnevye zadaniya na urokakh russkogo yazyka: primery, spetsifika.” *EduNeo*. Accessed August 28, 2025. <https://www.eduneo.ru/raznourovnevye-zadaniya-na-urokax-russkogo-yazyka/>.

12. Saichenko, Yu.A. “Sovremennye pedagogicheskie tekhnologii na urokakh russkogo yazyka v praktike pedagoga.” *NIC-Snail*, 2024. Accessed August 30, 2025. <https://nic-snail.ru/pedagogu/articles/3979034>.

13. Trotsyuk, S.N. “Didakticheskiy potentsial distantsionnogo lingvisticheskogo obucheniya v sovremennykh usloviyakh.” *Nauchnyy rezultat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* 8, no. 2 (2022). Accessed August 30, 2025. <https://rrpedagogy.ru/journal/article/2724/>.

14. “YuLang — uchebnye materialy po russkomu kak inostrannomu.” Accessed September 30, 2025. <https://youlang.ru/>.

15. Arkhipov, M., and Y. Kuratov. “Adaptation of Deep Bidirectional Multilingual Transformers for Russian Language.” *arXiv* (2019). <https://arxiv.org/abs/1905.07213>.

16. Bondarenko, O., R. Tarasenko, S. Amelina, and Y. Kazhan. “The Use of AR Elements in the Study of Foreign Languages at the University.” *arXiv* (2022). <https://arxiv.org/abs/2202.09161>.

Информация об авторе

Го Вэйпэн – студент Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Information about the author

Guo Weipeng – a student at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; принята к публикации 15.11.2025.

The article was submitted 02.10.2025; accepted for publication 15.11.2025.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81'38

DOI: 10.21510/3034-2694-2025-4-42-52

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ ДЛЯ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Ксения Сергеевна Двуреченская

*Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
Елец, Россия, ksn.blsk@bk.ru*

Аннотация. В статье проводится исследование, актуальность которого обусловлена стремительной глобализацией и коммерциализацией сферы физической культуры и спорта, что порождает устойчивый спрос на высококвалифицированных переводчиков, способных обеспечить эффективную межъязыковую коммуникацию. В статье решается задача выявления и системного описания лингводидактических аспектов подготовки переводчиков для сферы спорта. Актуальность исследования обусловлена несоответствием между общим характером большинства учебных программ и конкретными требованиями спортивного дискурса, что ведет к разрыву между теорией и практикой.

Методология исследования опирается на принципы профессионально ориентированного обучения переводу. Для решения поставленных задач использованы: теоретический анализ лингвистических и методических источников, сравнительно-сопоставительный анализ терминосистем и моделирование дидактического процесса. Центральное место в работе занимает рассмотрение компетентностного подхода как основы для формирования профессиональных качеств переводчиков в спортивной области.

Проведенное исследование позволило выделить ключевые компоненты лингводидактической модели, нуждающиеся в целенаправленном развитии. Центральное место среди них занимает формирование двуязычной терминологической компетенции, которая должна включать не только официальные термины, но и слой профессионального жаргона. Столь же важной задачей выступает

развитие дискурсивной компетенции, обеспечивающей адекватную работу в разнообразных жанрах спортивной коммуникации - от официальных регламентов до комментариев и интервью. Отдельную сложность представляет овладение прагматикой перевода, в частности, передача культурных коннотаций и реалий.

Неотъемлемым элементом подготовки признано формирование фоновых знаний из области истории, теории спорта, а также основ спортивной медицины и физиологии. В статье рассматривается дидактический потенциал аутентичных материалов - прямых трансляций, интервью, документов международных федераций, - а также активное использование проектных методик, разбора конкретных ситуаций и симуляции профессиональных задач.

Результатом исследования стала разработка конкретных рекомендаций по модернизации учебных планов. Основным вывод гласит, что для эффективной подготовки переводчиков в спортивной сфере необходимы специализированные программы, которые интегрируют лингвистическую, переводческую и предметную подготовку в целостный образовательный модуль. Направлениями для дальнейшей работы могут стать создание учебно-методических комплексов, углубленный анализ подязыков отдельных спортивных дисциплин и оценка влияния цифровых технологий на практику перевода в этой области.

Ключевые слова: лингводидактика, подготовка переводчиков, физическая культура и спорт, спортивный дискурс, терминологическая компетенция, дискурсивная компетенция, прагматика перевода, аутентичные материалы, профессиональная коммуникация, специализированный перевод, жанры перевода, фоновые знания, методика преподавания, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Двуреченская К.С. Лингводидактические особенности подготовки переводчиков для сферы физической культуры и спорта // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. – 2025. – № 4. – С. 42-52.

Благодарности: автор выражает благодарность научному руководителю Щербатых Людмиле Николаевне за значимые замечания и важные советы при оформлении данной статьи

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Original article

LINGUODIDACTIC PECULIARITIES OF TRAINING TRANSLATORS FOR THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Abstract. This study is motivated by the rapid globalization and commercialization of physical culture and sports, which has created a consistent demand for highly qualified translators capable of ensuring effective cross-linguistic communication. The article aims to identify and systematically describe the linguo-didactic aspects of training translators for the sports industry. The research is driven by a misalignment between the general nature of most training programs and the specific demands of sports discourse, leading to a gap between theoretical knowledge and practical application.

The research methodology is grounded in the principles of professionally-oriented translator training. To address the research objectives, the study employs theoretical analysis of linguistic and methodological literature, comparative analysis of terminology systems, and modeling of the didactic process. A central focus is the examination of the competence-based approach as a foundation for developing the professional qualities of sports translators.

The investigation has identified key components of a linguo-didactic model that require targeted development. Foremost among these is building bilingual terminological competence, encompassing both official terminology and the layer of professional jargon. An equally critical task is developing discursive competence to enable effective work across diverse genres of sports communication - from official regulations to live commentary and interviews. A particular challenge lies in mastering the pragmatic aspects of translation, including the handling of cultural connotations and realia.

An essential element of the training is recognized as the acquisition of background knowledge in sports history, theory, and practice, as well as the fundamentals of sports medicine and physiology. The article examines the didactic potential of authentic materials - such as live broadcasts, interviews, and documentation from international federations - alongside the active implementation of project-based methods, case studies, and simulations of professional tasks.

As an outcome, the study offers concrete recommendations for modernizing academic curricula. The central conclusion is that effective training for sports translators requires specialized programs that integrate linguistic, translational, and subject-specific knowledge into a unified educational module. Promising avenues for further research include the development of specific teaching materials, a detailed analysis of the sub-languages of individual sports, and an investigation into the impact of digital technologies on sports translation practice.

Keywords: linguodidactics, translator training, physical culture and sports, sports discourse, terminological competence, discursive competence, pragmatics of translation, authentic materials, professional communication,

specialized translation, translation genres, background knowledge, teaching methodology, intercultural communication

Acknowledgments: the author expresses gratitude to the supervisor Shcherbatykh Lyudmila Nikolaevna for significant comments and important advice in the design of this article.

For citing: Dvurechenskaya K.S. Linguodidactic peculiarities of training translators for the field of physical culture and sports // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Philological Sciences. 2024. No4. pp. 42-52

Сфера физической культуры и спорта претерпела масштабные трансформации, превратившись в глобальную индустрию. Такой статус обусловлен проведением международных соревнований (Олимпийские игры, чемпионаты мира), деятельностью международных спортивных федераций, трансграничными трансферами спортсменов, а также глобальными медиа-трансляциями и маркетинговыми кампаниями. Эти факторы формируют интенсивный поток межъязыковой коммуникации, где ее эффективность напрямую сказывается на успехе спортивных проектов, репутации организаций и безопасности спортсменов. В результате возникает потребность в переводчиках, не только владеющих иностранным языком, но и глубоко понимающих специфику спортивной среды.

Проблема исследования состоит в несоответствии между содержанием общих программ подготовки переводчиков и конкретными профессиональными требованиями, предъявляемыми к специалистам в спортивной индустрии. Традиционные учебные курсы, как правило, не охватывают уникальные характеристики спортивного дискурса: его терминологию, жанровое разнообразие и культурно обусловленные прагматические аспекты.

Вопросы специализированного перевода достаточно широко освещены в трудах отечественных и зарубежных ученых (И. С. Алексеева [1], В. Н. Комиссаров [7], Л. К. Латышев [9], Л. Л. Нелюбин [11], С. Nord [16] и др.). Однако аспекты, связанные именно со спортивным переводом, представлены фрагментарно. Отдельные работы посвящены анализу спортивной метафоры или лингвистическим особенностям спортивных текстов, в то время как комплексное лингводидактическое исследование, направленное на моделирование процесса подготовки переводчика, остается недостаточно изученным [4].

Цель исследования – выявить и систематизировать лингводидактические особенности подготовки переводчиков для сферы физической культуры и спорта. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать специфику спортивного дискурса и его терминосистемы.
2. Определить ключевые компетенции, необходимые переводчику в данной области.
3. Обосновать методы и приемы формирования данных компетенций в учебном процессе.
4. Разработать практические рекомендации по структурированию специализированного курса.

Методологической основой исследования выступают компетентностный и коммуникативно-деятельностный подходы в лингводидактике. В работе применялись следующие методы: теоретический анализ научной литературы по переводоведению, лингвистике и методике преподавания; сравнительно-сопоставительный анализ русскоязычной и англоязычной спортивных терминосистем; компонентный анализ значения терминов; моделирование учебных ситуаций и проектов.

Проведенное исследование позволило выявить и детально охарактеризовать ключевые аспекты подготовки переводчиков для сферы физической культуры и спорта, каждый из которых требует специализированного лингводидактического подхода.

Формирование терминологической компетенции составляет основу подготовки переводчиков в спортивной сфере в силу особых характеристик отраслевой лексики. Проведенный анализ выявляет, что терминосистема спорта отличается высокой степенью стандартизации, широким использованием акронимов (FIFA, UEFA, ИОС, VAR - система видеопомощи арбитрам), а также активным функционированием профессионального жаргона и клишированных выражений [2].

Сопоставление примеров демонстрирует значительное расхождение между официальной терминологией и живым языком практиков. Так, если официальный термин "a penalty kick" имеет устоявшийся перевод «пенальти» или «одиннадцатиметровый удар», то жаргонное выражение "a clinical finish" требует передачи смысла через вариант «хладнокровное завершение атаки», а идиома "squeaky-bum time" (британский вариант) адекватно переводится как «напряженная концовка сезона или матча».

В методическом плане эффективным представляется подход, основанный на тематической группировке лексики (виды спорта, правила, тактика, оборудование, допинг, спортивная медицина). Его практическая реализация может включать задания по составлению глоссариев, сопоставительному анализу терминов в текстах официальных регламентов и работу с случаями межъязыковой интерференции [10].

Развитие дискурсивной компетенции, обеспечивающей адекватную работу в разнообразных жанрах спортивной коммуникации, представляет собой еще одну ключевую задачу подготовки. Полученные данные подчеркивают важность формирования у переводчиков способности гибко менять стиль и регистр в соответствии с жанровой принадлежностью текста [15].

Так, тексты официально-делового стиля (регламенты, уставы, протоколы) требуют безупречной точности и владения формальными шаблонами. Так, например, одним из вариантов перевода конструкции "The athlete is hereby suspended for a period of two years" будет «Спортсмен отстраняется от соревнований сроком на два года». В свою очередь, публицистический стиль пресс-релизов и новостей совмещает стандартные формулировки с экспрессивными элементами. Устная речь интервью, отмеченная спонтанностью, обилием жаргона и неполных конструкций, ставит перед переводчиком задачу передачи не только содержания, но и эмоционального тона, а также индивидуальных особенностей речи собеседника. Наиболее сложным жанром признан спортивный комментарий, где экстремальная скорость речи, эмоциональный накал и насыщенность метафорами диктуют необходимость целенаправленной тренировки навыков синхронного перевода.

Эффективной методической основой для формирования этой компетенции служит комплексный анализ аутентичных материалов разных жанров с параллельным выполнением заданий, направленных на воспроизведение и самостоятельное создание аналогичных текстов.

Освоение прагматических и культурологических аспектов перевода формирует один из наиболее сложных компонентов в подготовке спортивных переводчиков. Многие понятия в этой сфере обладают выраженной культурной спецификой, что делает их буквальный перевод невозможным. Например, культурные реалии типа "Heisman Trophy" требуют транслитерации с последующим пояснением: «трофей Хайсмана (награда лучшему игроку в американском студенческом футболе)». Такие виды спорта, как американский бейсбол или индийский крикет, укоренены в глубоком культурном контексте, что вынуждает переводчика понимать их социальную значимость для конкретной лингвокультуры [6].

Эффективным лингводидактическим решением становится интеграция в учебный процесс следующих элементов: освоение основ межкультурной коммуникации, анализ реальных случаев переводческих ошибок, вызванных культурными различиями, и отработка стратегий передачи культурно-маркированных единиц.

Качественный перевод в спортивной сфере требует от специалиста глубокого понимания предмета, что делает формирование фоновых экстралингвистических знаний обязательным элементом

подготовки. Переводчик должен обладать системными познаниями в области истории спорта, биомеханики, физиологии, а также детально разбираться в тактических схемах и правилах различных спортивных дисциплин.

С методической точки зрения, достижению этой цели способствует интеграция в учебный процесс лекций приглашенных спортивных экспертов, организованного просмотра и последующего разбора спортивных событий, а также работы со специализированной литературой на двух языках [3].

Завершающий этап подготовки моделирует условия реальной профессиональной деятельности через применение аутентичных материалов и проектных методик. Эффективными формами работы выступают проектные задания по разработке русскоязычной версии сайта международного спортивного события, анализ конкретных ситуаций по переводу и адаптации для русскоязычной аудитории таких документов, как антидопинговый меморандум WADA, а также ролевые симуляции профессиональных сценариев - например, проведение экскурсии по спортивному объекту для иностранной делегации или осуществление последовательного перевода на пресс-конференции тренера.

Результаты исследования подчеркивают принципиальное своеобразие лингводидактических основ подготовки переводчиков для сферы физической культуры и спорта. Сопоставление действующих образовательных программ с реальными запросами индустрии выявляет значительную профильную специфику, что исключает возможность качественной подготовки таких кадров в рамках стандартных лингвистических курсов.

Разработанная концепция определяет в качестве основы специализированного обучения последовательное становление комплексной профессиональной компетенции. Ее структура объединяет четыре взаимосвязанных элемента: углубленное усвоение терминологии, включая ее официальный и жаргонизированный пласты; развитие дискурсивных навыков для работы в различных жанрах спортивной коммуникации; формирование прагматической чуткости, позволяющей учитывать культурные и контекстуальные особенности; наконец, приобретение системных фоновых знаний из области теории, истории и практики спорта.

Эффективная подготовка переводчиков для спортивной сферы требует методологического обоснования в виде лингводидактической модели. Ее фундамент составляет системная работа с аутентичными материалами и последовательное применение интерактивных методов обучения. Наибольшую результативность демонстрируют такие приемы, как проектная деятельность, разбор конкретных ситуаций и

профессиональные симуляции, поскольку они максимально приближают учебный процесс к реальным условиям работы.

Ключевым требованием для практического воплощения этой модели выступает создание интегрированных учебных курсов. Подобные курсы должны органично объединять три составляющие: лингвистическую подготовку, формирование собственно переводческих навыков и освоение специальных дисциплин из области спорта, объединяя их в целостный образовательный комплекс.

Научный поиск в области подготовки спортивных переводчиков открывает несколько перспективных векторов развития. На первом плане находится разработка специализированных учебно-методических комплексов, дифференцированных по видам спорта. Наряду с этим сохраняет актуальность задача лингвопереводческого анализа подязыков новых и малопопулярных в определенной лингвокультуре дисциплин - таких как сквош, регби или смешанные единоборства [14].

Цифровизация образования ставит перед методикой новые вызовы, среди которых - оценка влияния систем искусственного интеллекта и машинного перевода на профессию и формирование принципов их адаптации в обучении. Параллельно углубленное исследование психолингвистических особенностей синхронного перевода спортивных комментариев может создать основу для совершенствования подготовки к работе в режиме реального времени.

Реализация этих исследовательских программ призвана обогатить методическую базу подготовки кадров для сферы физической культуры и спорта, находящейся в состоянии постоянного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингвист. фак. вузов / И. С. Алексеева. – М.: Academia, 2004. - 346 с.
2. Алиева Ш. Б. Терминологический статус спортивной лексики // *Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS)*, 2021. - Т. 1. - № 3. – С. 121-128.
3. Ахмерова К. Ш., Тимме Е. А. Интеграция учебного процесса и спортивной подготовки в университете в условиях цифровой трансформации // *Физическое воспитание и студенческий спорт*, 2023. - Т. 2. - Вып. 3. - С. 263-267.
4. Бабаянц В. А., Бабаянц В. В. Лингвопереводческие особенности современных газетных статей спортивной тематики // *Гуманитарные и юридические исследования*, 2017. - № 1. – С. 179-182.
5. Вишневский А. В. Теоретические и прикладные аспекты перевода: учеб. пособие. Иваново: Иван. гос. ун-т., 2009. - 208 с.

6. Колпащикова Ю.А. Проблемы перевода профессиональных текстов спортивной тематики / Ю. А. Колпащикова // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 120-122.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
8. Кузнецова П. А. Особенности перевода эквивалентов спортивной терминологии с английского на русский язык // Вестник науки, 2025. – Т. 1. - № 6 (87). – С. 1155-1161.
9. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак-тов. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Академия, 2005. - 320 с.
10. Максимова Е. Н. Методы и принципы современной системы спортивной подготовки // Наука-2020, 2018. - № 3 (19). – С. 7-13.
11. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие / Л.Л. Нелюбин. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 216 с.
12. Полетаева Е. Д., Язмедова Т. М. Специфика перевода спортивной терминологии с английского языка на русский язык // Дневник науки, 2023. - № 5 (77).
13. Сивконева Ю. С. Теоретические аспекты перевода спортивной лексики. Понятие и сущность спортивной лексики // Вестник науки, 2024. – Т. 1. - № 5 (74). – С. 457-461.
14. Чэнь Ч. Изучение моделей подготовки спортивных переводчиков русского языка в китайских вузах в преддверии зимних олимпийских игр // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. - № 2. – С. 158-174.
15. Щербатых Л. Н. Культура речевого общения на английском языке: учебное пособие. – Елец, 2024. – 91 с.
16. Nord Christiane. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis. Second edition. - Amsterdam. N.Y.: Rodopi, 2005. – 284 p.

REFERENCES

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlia studentov filol. i lingvist. fak. vuzov / I. S. Alekseeva. – М.: Academia, 2004. – 346 с.
2. Alieva Sh. B. Terminologicheskii status sportivnoi leksiki // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies (CARJIS), 2021. – Т. 1. – № 3. – S. 121-128.
3. Akhmerova K. Sh., Timme E. A. Integratsiia uchebnogo protsessa i sportivnoi podgotovki v universitete v usloviiakh tsifrovoy

transformatsii // Fizicheskoe vospitanie i studencheskii sport, 2023. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 263-267.

4. Babaiants V. A., Babaiants V. V. Lingvoperevodcheskie osobennosti sovremennykh gazetnykh statei sportivnoi tematiki // Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia, 2017. – № 1. – С. 179-182.

5. Vishnevskii A. V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty perevoda: ucheb. posobie. – Ivanovo: Ivan. gos. un-t., 2009. – 208 s.

6. Kolpashchikova, Iu. A. Problemy perevoda professional'nykh tekstov sportivnoi tematiki / Iu. A. Kolpashchikova // Filologiya i lingvistika v sovremennom obshchestve: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, iyun' 2016 g.). – М.: Buki-Vedi, 2016. – С. 120-122.

7. Komissarov, V. N. Sovremennoe perevodovedenie / V.N. Komissarov. – М.: ETS, 2004. – 424 s.

8. Kuznetsova P. A. Osobennosti perevoda ekvivalentov sportivnoi terminologii s angliiskogo na russkii iazyk // Vestnik nauki, 2025. – Т. 1. – № 6 (87). – С. 1155-1161.

9. Latyshev L. K. Tekhnologiya perevoda: ucheb. posobie dlia stud. lingv. vuzov i fak-tov. 2-e izd., pererab. i dop. – М.: Akademiia, 2005. – 320 s.

10. Maksimova E. N. Metody i printsipy sovremennoi sistemy sportivnoi podgotovki // Nauka-2020, 2018. – № 3 (19). – С. 7-13.

11. Neliubin L. L. Vvedenie v tekhniku perevoda (kognitivnyi teoretiko-pragmaticheskii aspekt): ucheb. posobie / L.L. Neliubin. – М.: Flinta: Nauka, 2009. – 216 s.

12. Poletaeva E. D., Iazmedova T. M. Spetsifika perevoda sportivnoi terminologii s angliiskogo iazyka na russkii iazyk // Dnevnik nauki, 2023. – № 5 (77).

13. Sivkoneva Iu. S. Teoreticheskie aspekty perevoda sportivnoi leksiki. Poniatie i sushchnost' sportivnoi leksiki // Vestnik nauki, 2024. – Т. 1. – № 5 (74). – С. 457-461.

14. Chen' Ch. Izuchenie modelei podgotovki sportivnykh perevodchikov russkogo iazyka v kitaiskikh vuzakh v preddverii zimnikh olimpiiskikh igr // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriia perevoda, 2022. – № 2. – С. 158-174.

15. Shcherbatykh L. N. Culture of Speech Communication in English: Textbook. – Yelets, 2024. – 91 p.

16. Nord Christiane. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation Oriented Text Analysis. Second edition. – Amsterdam. N.Y.: Rodopi, 2005. – 284 p.

Информация об авторе

К.С. Двуреченская – магистрант.

Information about the author

K.S. Dvurechenskaya – a master's student.

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; принята к публикации 20.11.2025.

The article was submitted 17.10.2025; accepted for publication 20.11.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 930.85

DOI: 10.21510/3034-2694-2025-4-53-66

АНАЛИЗ ДВОЙСТВЕННОЙ РОЛИ ЖИВОТНЫХ В БАШКИРСКОЙ МИФОЛОГИИ: ОТ БЛАГОСЛОВЕННЫХ СУЩЕСТВ ДО ВОПЛОЩЕНИЙ ЗЛА

*Шамиль Фасхидинович Батыршин¹, Наиля Ильгизовна
Денисламова²*

*^{1,2}Уфимский государственный нефтяной технический
университет Уфа, Российская Федерация*

¹br.shamil@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2845-0472>;

*²ndenislamova@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5024-0795>;
ResearcherID: rid102782*

Аннотация. В данной статье рассматривается двойственная природа животных в мифологии башкирского народа. Животные здесь могут выступать как символы благополучия и защиты, так и как олицетворение зла и разрушения. Авторы исследуют мифологические тексты, народные легенды и фольклорные источники, чтобы выявить основные характеристики и функции животных, как положительных, так и отрицательных персонажей. Особое внимание уделяется таким архетипам, как медведь, конь, лебедь, а также змеям и демонам, что позволяет глубже понять культурные и этнические представления башкир. Статья показывает, как образы животных в мифах отражают связь человека с природой и духовным миром, а также формируют элементы культурной идентичности и способствуют сохранению традиционных ценностей. Исследование рассматривает, как меняется восприятие этих символов в современном обществе в условиях социальных и культурных изменений, подчеркивая сакральную роль животных как посредников между мирами живых и духов. Методология исследования включает качественный и контент-анализ мифологических и фольклорных данных. Это позволило систематизировать образы животных как в положительном, так и в отрицательном контексте. Положительные образы зверей связаны с заботой, умом и созданием. Негативные образы показывают опасность и разрушение. В статье обосновывается тезис о сохранении значения этих символов, способствуя поддержанию уникальности башкирского

народа. Исследование демонстрирует, что изучение мифов позволяет глубже понять культурные основы башкирского этноса и определяет направления для дальнейших исследований в области этнологии, фольклористики и культурологии.

Ключевые слова: башкирский народ; добро; зло; животные; мифология; образ; символизм

Для цитирования: Батыршин Ш.Ф., Денисламова Н.И. Анализ двойственной роли животных в башкирской мифологии: от благословенных существ до воплощений зла // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2025. №4. С. 53-66.

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

ANALYSIS OF THE DUAL NATURE OF ANIMALS IN BASHKIR MYTHOLOGY: FROM BENIGN CREATURES TO MANIFESTATIONS OF EVIL

Shamil' F. Batyrshin¹, Nailya I. Denislamova²

^{1,2}*Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia*

¹*br.shamil@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2845-0472>;*

ResearcherID:

²*ndenislamova@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5024-0795>;*

ResearcherID: rid102782

Abstract. This article examines the dual nature of animals in the mythology of the Bashkir people. Animals here can act as symbols of well-being and protection, or as the personification of evil and destruction. The authors explore mythological texts, folk legends, and folklore sources to identify the main characteristics and functions of animals, both positive and negative characters. Special attention is paid to such archetypes as bear, horse, swan, as well as snakes and demons, which allows for a deeper understanding of the cultural and ethnic beliefs of Bashkirs. The article shows how the images of animals in myths reflect a person's connection with nature and the spiritual world, as well as form elements of cultural identity and contribute to the preservation of traditional values. The study examines how the perception of these symbols is changing in modern society in the context of social and cultural changes, emphasizing the sacred role of animals as intermediaries between the worlds of the living and spirits. The research methodology includes qualitative and content analysis of mythological and folklore data. This made it possible to systematize images of animals in both positive and negative contexts. Positive images of

animals are associated with caring, intelligence, and creation. Negative images show danger and destruction. The article emphasizes that these symbols remain significant in modern culture, contributing to the maintenance of the uniqueness of the Bashkir people. The study demonstrates that exploring myths allows for a deeper understanding of the cultural foundations of the Bashkir ethnicity and opens prospects for further research in the fields of ethnology, folklore studies, and cultural studies.

Key words: bashkir people, good, evil, animals, mythology, image, symbolism

For citing: Batyrshin S.F., Denislamova N.I. Analysis of the Dual Nature of Animals in Bashkir Mythology: From Benign Creatures to Manifestations of Evil // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2025. №4. pp. 53-66.

Введение

Мифология башкирского народа – это богатое и разнообразное культурное наследие, которое представляет собой уникальный способ взаимодействия человека с миром природы. В своей работе «Культ животных у башкир» Илимбетова А. Ф. обращает наше внимание на то, что богатством материальной и духовной культур башкирский народ наделен за счет непосредственного контакта с индоевропейскими, финно-угорскими, тюрко-монгольскими и другими народами Евразии [3]. В этой мифопоэтической системе животные не просто обитатели окружающей среды, они также несут в себе глубокий символический смысл, отражающий двойственность человеческой морали и этики. Анализ роли животных в башкирской мифологии показывает, как они меняются от благословенных созданий, олицетворяющих жизненную силу и гармонию, до злых существ, несущих угрозу и разрушение.

Целью данной работы является анализ двойной роли животных в башкирской мифологии, а также выявление их символического значения в легендах. Изучение этого явления позволяет не только лучше понять культурные представления башкирского народа, но и выявить универсальные темы, связанные с взаимодействием людей и животных в мифологических повествованиях. Развивая идеи предшествующих исследований, посвященных преимущественно описанию отдельных культов (А.Ф. Илимбетова [3, 4]; Ф.Г. Хисамитдинова [15]), данное исследование предлагает системную классификацию образов животных по критериям их функций (защитники, посредники, разрушители) и проводит сравнительный анализ с аналогичными архетипами в тюркских культурах, раскрывая социокультурные механизмы двойственности.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- дать классификацию животным по их отрицательным и положительным качествам и выявить общие черты и контрасты в их описаниях;

- рассмотреть мифологические источники, касающиеся башкирского этноса, содержащие образы животных и их роли в мифах и легендах.

Методологию изучения составляют такие методы как качественный анализ текстов мифов и легенд, включающий интерпретацию символов через призму архетипического подхода К. Г. Юнга для выявления универсальных мотивов; контент-анализ фольклорных и литературных источников, включая устное народное творчество и записанные мифы, с использованием структурного анализа по В. Я. Проппу для выделения функций персонажей.

Таким образом, данная работа направлена на выявление сложных и многогранных связей, которые формируют основу мифологического мировоззрения башкир.

Общие представления о башкирской мифологии

Мифология башкирского народа – это самобытная система убеждений, которая складывалась веками под воздействием окружающей среды, культурных контактов и природных явлений. В её основе лежат мифы о сотворении мира, богах, духах и предания о подвигах героев и их предках. Большая часть мифологии башкир появилась в домусульманский период (VII века). В преданиях и сказаниях, которые дошли до нас, можно встретить удивительные истории. Они повествуют о том, как появились земля и солнце, звёзды и луна, как зародился башкирский народ.

В этих историях можно встретить не только людей и животных, но и духов – хозяев земли, гор и воды. Башкиры не только рассказывают о земной жизни, но и пытаются объяснить явления, происходящие в космосе. Например, пятна на луне – это косули, которые вечно убегают от волка, а большая медведица – это семь красавиц, которые нашли спасение на небе от царя дэвов (тюрк. – ‘злые духи’).

«Древними башкирами особо почитались солнце и луна. Солнце они представляли в образе женщины, луну – в образе мужчины. В мифе о небесных светилах солнце выступает в виде красной водяной девы, выходящей из моря, с длинными белыми волосами. Руками она достаёт звёзды и украшает ими свои волосы. Луна рисуется в виде джигита-красавца, весело или грустно смотрящего с неба на людей» – отмечает Ф.Т. Кузбеков [6].

В представлении древних башкир Земля покоилась на огромном быке (үгез) и большой щуке (суртан). Их движения вызывали

землетрясения. Деревья, камни, вода и земля, как и люди, испытывали чувства: боль, обиду, гнев. Они могли отомстить за себя и своих близких, нанести вред или помочь человеку.

Птицы и животные также наделялись разумом. Древние башкиры считали, что они могут общаться между собой и вести себя по отношению к человеку в зависимости от его поведения. Огонь, по народным представлениям, был источником двух начал: злого – в виде убыра (башк. – ‘кровожадное демоническое существо в мифологии тюркских народов’) – и доброго – как силы очищения от злых духов и источника тепла.

Поэтому башкиры относились к окружающему миру с осторожностью, чтобы не вызвать гнев и недовольство со стороны природы.

Благословенные существа

В мифологии народов мира существует множество легенд, объединяющих людей и животных в неразрывные связи. В башкирской культуре эти связи особенно сильны: по преданиям, предки башкир произошли от таких существ, как волк, конь, медведь и лебедь. Примечательно, что, согласно некоторым верованиям, даже сами звери имеют человеческие корни. Например, в Башкортостане существует миф о медведе, который был человеком, выбравшим жизнь в лесу и преобразившимся, обросши полностью шерстью.

У древних башкир особое место в мифологии занимал медведь. В древности люди нередко испытывали глубокое уважение к медведю, считая его священным животным. Лапы медведя часто размещали над входом в жилище, чтобы отпугнуть злых духов, а головы и черепа помещали в пещеры и святилища как символы защиты. Вплоть до середины XX века в фойе различных учреждений можно было увидеть чучела медведей, которые стояли на задних лапах, готовые к битве со злом. Этот обычай был отголоском древних верований и символизировал силу и мужество, необходимые для противостояния темным силам [2]. Медвежьи когти и лапа, прибитые над дверью в башкирских домах Белорецкого и Зилаирского районов, символизировали благополучное развитие плода. Когда когти опускали в теплую воду, они, по поверьям, имитировали раскрытие матки, что должно было ускорить роды. В труде А. Инана «Шаманизм в истории и сегодня» была выдвинута гипотеза о происхождении терминов родства у тюркских народов, в том числе и у башкир, «ата», «апа», «баба», «эбей», «абзый» (отец, дед, бабушка, дядя) от названия медведя «аба» (в кыпчакском наречии древнетюркского языка), которого они почитали как своего предка [5]. В академическом словаре башкирского языка медведь это мифологизированное почитаемое животное, дух леса. По поверьям, имеет человеческое происхождение [14]. Следует отметить, что почетаемость медведя отразилась с

положительной стороны и в башкирской литературе. Например легенда, где медведь помогает старому человеку, который оказался в трудной ситуации («Айыу һәм карт»), история о охотнике, где медведь выступает в роли мудрого советчика, который помогает первому решить его проблемы («Айыу һәм һунарсы») и т.д. Такой образ медведя как защитника и предка объясняется социокультурными механизмами: в условиях кочевого и лесного хозяйства медведь символизировал силу природы, которую человек стремился интегрировать в свою идентичность. В сравнении с марийской мифологией, где медведь также выступает тотемом, башкирский вариант подчеркивает его роль в родовых связях, что отражает влияние шаманистских традиций [13].

Как показывают исторические данные, башкиры уделяли значительное внимание скотоводству, и лошади играли ключевую роль среди всех домашних животных. П.И. Рычков отмечал: «Лошади башкирские издавна в России почитаются, между которыми многие сходями, и так резвые иноходцы бывают... До последнего бунта башкирский народ весьма богат был лошадьми, ... среди них были такие, кои от трех до четырехсот кобыл имеют» [8]. «Если в русской культуре конь – это главный кормилец, опора в крестьянском хозяйстве, то в культуре башкир – это символ доблести батыра, верный помощник в битвах за родную землю» – отмечает в своей работе Р.Р. Хамидуллина [14]. Как показывают исследования, вековой уклад жизни древних башкир был неразрывно связан с конём. Это животное было для них не просто средством передвижения, но и символом благополучия и достатка семьи. Конь был предметом особой гордости, олицетворяя независимость и свободу башкирского народа. Например, популярный эпос Урал-батыр, где одним из центральных персонажей выступает конь Акбузат.

«Дрожит под ногами его земля,
Пена стекает из пасти, бела,
А помчится, вспорхнув, как птица, -
Только следом пыль закрубиться;
Любого, кто повстречается с ним,
Поражает величием своим -
Вот таким был дивный тот конь,
Слетевший вниз, как небесный огонь» [3].

Акбузат, мифологический скакун, дарованный Урал-батыру дочерью Солнца Хумай, воплощает в себе мощь и созидательную силу. Рожденный и выросший на небесах, он становится символом борьбы против врагов. Легендарный конь, обладающий сверхъестественными способностями, не горит в огне и не тонет в воде, способен сокрушать горы и рассекать моря одним ударом копыта. Акбузат становится верным другом и мудрым советчиком для батыра в трудные моменты,

помогая ему в его героических подвигах. Также конь Акбузат встречается в таких эпосах как «Заятуляк и Хыухылу» и «Идукай и Мурадым», где также предстает перед читателями могущественным покровителем и защитником людей. Образ коня как символа доблести формируется под влиянием военного уклада башкир, где конь ассоциируется с мобильностью и властью. В сравнении с казахской мифологией, где конь также предстает героическим спутником, башкирский вариант акцентирует небесного происхождения, подчеркивая связь с космогоническими мотивами [12].

Образы птиц занимают значительное место в башкирских устных традициях, бытовых обрядах, поверьях и обычаях. А.Ф. Илимбетова считает, что у башкир отдельные птицы даже имели общие генетические корни с человеком. «Так, если журавли и кукушки объявлялись потомками мифического (небесного) человека, то лебеди выдавались за реинкарнационные образы умерших предков или за порождение лебеди-Хумай» [3]. Самым почитаемым и чистым у башкир являлся образ лебедя (башк. 'аккош') как символ любви и надежд. В сказке «Лебеди» (башк. «Аккошлар») птица помогает бедной девушке выйти замуж за царевича. В эпосе «Урал-батыр» Хумай (далее Хумай) предстаёт перед нами как загадочная дочь царя птиц Самрау и самого Солнца. Башкирский академический словарь дает следующее определение Хумай: священная птица, приносящая счастье [14]. Её существование маркирует медиативную связь между небом и землей, что подчеркивает ее сакральный статус и мистическую природу. Она свободно перемещается между мирами, меняя облик то на величественного лебедя, то на златовласую деву, олицетворяя собой природное равновесие и совершенство. После трагической гибели своего мужа Урал-батыра, Хумай обретает вечное существование в образе прекрасной птицы и уносится в небесные просторы. Лишь спустя долгие годы, когда мир вновь обретает гармонию, она возвращается в сопровождении других мифологических птиц. В этом новом облики Хумай выступает в роли прародителя лебедей.

Сакральный образ лебедя находит свое отражение и в современности. В Бураевском районе Республики Башкортостан вблизи деревни Старотазларово, что почти 17 км от районного центра, находится озеро «Аккош күле» (башк. «Лебединое озеро»). Солнечными днями оно переливается всеми цветами радуги благодаря роднику, бьющему из пятиметровой глубины, озеро не замерзает даже зимой. В настоящее время озеро выполняет функцию сакрального локуса. Все брачные и иные значимые обряды начинаются с визита к озеру «Аккош күле». Загаданные желания о крепкой семье сопровождаются ритуалом бросания монет в его воды [11].

Каракүс-алып (башк. 'гигантская черная птица') или же просто Каракүс (башк. 'черная птица') (далее Каракүс) – еще один из

позитивных мифических существ башкирской мифологии. Комбинированный образ беркута, орла. Легенда об этой птице звучит так: «Каракус (обычно самка) живет на вершине мирового дерева (байтерек), здесь ее гнездо, где обитают ее птенцы (два или три, иногда: один птенец). В момент, когда вечный противник Каракус – Змей (или дракон, аждаха) собирается съесть ее птенцов, батыр убивает змея или дракона, таким образом, спасая птенцов. В благодарность за спасение своих птенцов Каракус сажает батыра на свою спину и выводит его из нижнего мира на земную поверхность» [15]. Двойственность образов птиц, таких как лебедь, отражает механизмы реинкарнации и посредничества между мирами, аналогичные татарским мотивам, где птицы часто выступают в роли душ предков [18].

Воплощения зла

Неотъемлемой частью мифологической картины мира является противостояние добра и зла. В башкирской мифологии отрицательные животные часто символизируют разрушение, угрозу и зло, и их образы могут служить предостережением о последствиях неразумных поступков и аморального поведения. Эти существа, напротив, становятся знаками различных пороков и испытаний, с которыми сталкиваются мифические герои. Ыылан (башк. 'змея') является одним из значимых существ в башкирской мифологии. Часто встречаются образы Ак йылан (белая или священная змея), Кара йылан (черная змея или гадюка), Тузбаш йылан (уж), Аждаха и Юха [15]. В фокусе настоящего исследования находится отрицательный образ змеи Аждахи. В академическом словаре башкирского языка Аждаха переводится как дракон, изверг, злодей [14]. Точная этимология этого слова остается дискуссионной, однако можно предположить, что оно уходит корнями в древние тюркские наречия и, возможно, связано с образом «гадюки» или «змеи». Аждаха – гигантское змееподобное воплощение зла и разрушения. Она обитает в реках, озёрах, болотах и иногда в колодцах. Люди должны принести ей в жертву девушку, чтобы получить разрешение на использование воды из источника. По поверьям, аждахой становится любая змея, прожившая сто лет и не показывавшаяся на людях. Однако в разных культурах условия могут варьироваться. Например, на Ближнем Востоке считалось, что животное должно прожить 500 лет, чтобы превратиться в Юху – злобного демона, целью которого является убийство людей. В башкирском мифологическом словаре Ефимова Е. С. пишет, что размер аждахи можно судить по сказке «Красная подушка», в которой дочь царя змей и две её подруги прячут семиглавого аждаху в кустах, хотя есть представления, что он в несколько «десятков саженой длиной» [2].

У башкирского народа Аждаха не является демоном или злым духом, а просто большой змеей. Она обладает огромной силой, которую часто преувеличивали в фольклоре. В сказании «Акъял-батыр» Аждаха могла создавать пыльные бури своим хвостом и застилать ими небо, не давая проникнуть свету. В эпосе «Урал-батыр» главный герой сражается с Аждахой по имени Кәһкәһә (родственное слово кәһ – колдун, кәһәр – проклятия) (башк. ‘Кахкаха’).

В башкирских легендах Аждаха часто похищает людей и скот, разрушает дома и посевы.

Одним из самых ярких образов птиц, созданных башкирским народом на основе мифов, является Карға или же Козғон (Кузгун). В башкирском мифологическом словаре кузгун переводится как ворон [2]. У башкир существует два противоположных взгляда на ворона, однако основное внимание в данном разделе уделяется его отрицательной семантике. Во-первых, он связан со смертью, несчастьем, подземным миром мертвых. Об этом свидетельствуют образы воронов в эпосе «Урал-батыр», которым на съедение бросают убитых девушек:

Каждый год в день рожденья царя,
В честь его матери и отца,
В честь колодца, чьею водой
Ребенком омывали царя,
Он приносит в жертву людей.
Утвердился обычаем сей.
У владыки есть Черный Ворон –
Он со знамени смотрит гордо.
Ворону набивают утробу
Каждый год в этот день особый.
Видишь хищных птиц? Сюда
Прилетели они неспроста.
На холме расселись они –
Знают: будет для них еда.
Когда в колодец бросят, и там
Девушки, захлебнувшись, умрут,
Извлекут их тела, по холмам
Воронам на съеденье швырнут.

Об отрицательной стороне ворона – кузгун свидетельствуют и приметы башкир: Йорт араһына козғон инһә, әүәле ололар: «Ауылда козғон оса баштаған, мәйет булыр, ахыры», тейзәр ине. Шул һүззәр хак ине. Үзебезҙең ауылдан бумаһа, кырзан китереп куя инеләр ауыл зыяратына. Әле лә шулай. Козғон оша, корколдай баштаһа, Себер яктарынан мәйет апкайталар, рассказывает М. Абдуллина – Когда ворон начинал частенько залетать в подворья, старики раньше говорили: «В деревню ворон зачастил, видно, быть покойнику». И это

всегда сбывалось. Если даже в деревне никто не умирал, все равно бывали похороны: привозили и хоронили на нашем кладбище умершего на чужбине односельчанина. И сейчас так же. Если летает и каркает ворон, то обязательно с Севера покойника привезут... О связи ворона с покойником свидетельствуют и другие приметы башкир: Зыяратта козгон корколдаһа, мэйеткә. – Если на кладбище кричит ворон – к покойнику; Ауыл өстөнән кыскырып козгон оша, насарға: кемдер үлә, мал зыяндай. – Если над деревней с пронзительным криком пролетает ворон, к беде: или в деревне кто-то умрет, или покалечатся, сдохнут домашние животные [15].

С другой стороны, в башкирской культуре кузгун считается священной и мудрой птицей, выполняющей роль тотема. Это подтверждается, во-первых, эпосом «Урал-батыр», в котором ворону ежегодно приносят жертвы как символу рода. Во-вторых, ворон также изображался на знаменах древних начальников, подчеркивая его священное значение. Например, в эпосе «Урал-батыр» Козгон (ворон) представлен на царском знамени в качестве знака рода: царский герб – Черный Ворон. Трансформация образа ворона от тотема к вестнику смерти объясняется эволюцией от шаманизма к более поздним фольклорным традициям, где он ассоциируется с подземным миром. Аналогично в казахской мифологии ворон несет двойственную семантику, но с большим акцентом на пророчество [10].

В башкирском языке термин козгон имеет два значения: он обозначает как саму птицу – ворона, так и может подразумевать человека, который жаден и подхалимствует всем [14].

Завершая анализ отрицательных персонажей, следует рассмотреть еще одно мифическое существо. Убыр - имеет вид змеи или гадюки, которое приносит болезни и страдания. Он также связан с нечистой силой и злодеянием. В башкирском академическом словаре Убыр это вампир, оборотень, упырь. Төрләсә сихырлай, бөтә нәмәне йота торған куркыныс яуыз мифик зат (башк. 'Колдует все по-разному страшное мифическое существо, которое может проглотить'). Убыр считается существом низшей сущности, существующим в симбиотических отношениях с человеком. В большинстве случаев убыр невидим, как и див. Существо может принимать облик черной кошки, свиньи или собаки. Кроме того, убыр, похоже, имеет тесную связь с огнем, так как способен превращаться в огненный шар или колесо, а при угрозе исчезать в облаке искр. Убыр паразитирует на людях, может вселяться в них и осуществлять свои злодеяния, манипулируя жертвой. Наибольшую опасность он представляет для женщин. Убыр похищает детей из утробы беременных женщин и прячет их, а также может подменять новорожденных. Иногда мужчин просят быть рядом во время родов, чтобы убыр не смог утащить ребенка. Это существо "любит" не только людей, но и может пить

молоко от домашних животных и кровь животных. Убыр смертен: после смерти он теряет свои способности, но ночью поднимается из могилы, чтобы продолжать причинять вред. Акцентируя функциональные различия, следует отметить, что образ убыра, в отличие от славянского упыря, наделен в башкирских верованиях более широким и специфическим комплексом деструктивных черт. Образ убыра как паразита отражает социальные страхи перед болезнями и потерей потомства, аналогичные мотивам в татарской мифологии, где подобные существа (убыр) также связаны с огнем и трансформацией [1].

Заключение

В ходе анализа двойственной роли животных в башкирской мифологии выявлено, что положительные образы (медведь, конь, лебедь, Каракус) классифицируются как защитники и посредники, ассоциированные с силой, гармонией и реинкарнацией, в то время как отрицательные (Аждаха, ворон в аспекте смерти, убыр) выступают разрушителями, символизирующими хаос, смерть и паразитизм. Двойственность обусловлена социокультурными механизмами: шаманистскими традициями, экологическими условиями и культурными контактами. Сравнение с татарской и казахской мифологиями показывает общие тюркские корни, но с башкирским акцентом на небесные и родовые мотивы. Проведенный анализ выявил структурные закономерности трансформации образов от архаики к современности, открывая перспективы для дальнейших исследований в области сравнительной мифологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арпентьева М.Р. Фольклорное наследие современного Татарстана / М.Р. Арпентьева // Народная музыкальная культура в современном мире: взаимодействие науки, образования, практики. – 2017. – С. 47–60.
2. Ефимова Е.С. Башкирский мифологический словарь / Е.С. Ефимова. – Уфа, 2010. – 156 с.
3. Илимбетова А.Ф. Культ животных у башкир: специальность 07.00.07 "Этнография, этнология и антропология": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А.Ф. Илимбетова. – Санкт-Петербург, 2006. – 27 с. – EDN VSJDNZ.
4. Илимбетова А.Ф. Культ птиц в религиозно-мифологической системе башкир / А.Ф. Илимбетова // Самарский научный вестник. – 2023. – Т.12, №1. – С. 230–234. – DOI: <https://doi.org/10.55355/snv2023121217>.
5. Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн / А. Инан. – Өфө: Китап, 1998.

6. Кузбеков Ф.Т. История культуры башкир / Ф.Т. Кузбеков. – Уфа: Китап, 1997.

7. Мурзабулатов М.В. Истоки образа и культа коня в башкирском фольклоре / М.В. Мурзабулатов, З.С. Аманбаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 35 (326). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-obraza-i-kulta-konya-v-bashkirskom-folklore> (дата обращения: 14.09.2025).

8. Рычков И.П. Топография Оренбургской губернии / И.П. Рычков. – Уфа: Китап, 1999. – 274 с.

9. Сайкенева Д.К. Символ мирового дерева в ритуально-бытовой практике казахов / Д.К. Сайкенева, А.Б. Наурызбаева, А.Р. Хазбулатов // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvol-mirovogo-dereva-v-ritualno-bytovoou-praktike-kazahov> (дата обращения: 14.11.2025).

10. Сапашев О. Принципы представления картины мира у народов Центральной Азии / О. Сапашев // Journal of Oriental Studies. – 2020. – Т. 95, № 4. – С. 70–81.

11. Словарь топонимов Республики Башкортостан. – Уфа : Китап, 2002. – 256 с.

12. Сулейманова М.Н. Магический атрибут: между язычеством и исламом / М.Н. Сулейманова, З.Ф. Нигматуллина // Вестник антропологии. – 2021. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-atribut-mezhdu-yazuchestvom-i-islamom> (дата обращения: 13.09.2025).

13. Терешкина О.В. Архетипический образ медведя и медведь *Ursus arctos* L. (Медведь в историко-филологическом и естественнонаучном аспектах) / О.В. Терешкина, С.А. Терешкин // Труды Мордовского государственного природного заповедника им. П.Г. Смидовича. – 2020. – № 25. – С. 358–380.

14. Хамидуллина, Р.Р. Образ коня в башкирском устном народном творчестве / Р.Р. Хамидуллина // Молодой ученый. – 2014. – № 19 (78). – С. 642–644. – URL: <https://moluch.ru/archive/78/13599/> (дата обращения: 13.09.2025).

15. Хисамитдинова Ф.Г. Академический словарь башкирского языка: в 10 т. Т. 1: Ф.Г. Хисамитдинова; [отв. ред. Г. Р. Абдуллина]. – Уфа : Китап, 2011. – 432 с.

16. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка / Ф.Г. Хисамитдинова. – Москва: Наука, 2010. – 452 с. – ISBN 978-5-02-037580-2.

17. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии / Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 152 с. – ISBN 978-5-91608-061-2.

18. Шарифуллина Ф.Л. Доисламские верования татар Волго-Уральского региона: традиции и современность / Ф.Л. Шарифуллина // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сборник статей. Вып. 2. – 2011. – С. 89.

REFERENCES

1. Arpentieva M.R. Folklore heritage of modern Tatarstan / M.R. Arpentieva // Folk music culture in the modern world: interaction of science, education, practice. 2017. pp. 47-60.

2. Efimova E.S. Bashkir mythological dictionary / E.S. Efimova. Ufa, 2010. 156 p.

3. Ilimbetova, A.F. The cult of animals among Bashkirs: specialty 07.00.07 "Ethnography, ethnology and anthropology": abstract of the dissertation for the degree of candidate of Historical Sciences / A.F. Ilimbetova. – Saint Petersburg, 2006. – 27 p. – EDN VSJDNZ.

4. Ilimbetova A.F. The cult of birds in the religious and mythological system of Bashkirs / A.F. Ilimbetova // Samara Scientific Bulletin. – 2023. – Vol. 12, No. 1. – pp. 230-234. – DOI: <https://doi.org/10.55355/snv2023121217>

5. Inan A. Shamanism of tarikhta ham bogon / A. Inan. – Ofo: Kitap, 1998.

6. Kuzbekov F.T. History of Bashkir culture / F.T. Kuzbekov. Ufa : Kitap, 1997.

7. Murzabulatov M.V. The origins of the image and cult of the horse in Bashkir folklore / M.V. Murzabulatov, Z.S. Amanbayeva // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2013. – № 35 (326). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-obraza-i-kulta-konya-v-bashkirskom-folklore> (date of reference: 09/14/2025).

8. Rychkov I.P. Topography of the Orenburg province / I.P. Rychkov. Ufa: Kitap, 1999. – 274 p.

9. Saikeneva, D.K. The symbol of the world tree in the ritual and household practice of the Kazakhs / D.K. Saikeneva, A.B. Naurzbayeva, A. R. Khazbulatov // Bulletin of the Kazakh National Women's Pedagogical University. – 2022. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvol-mirovogo-dereva-v-ritualno-bytovoy-praktike-kazahov> (date of request: 11/14/2025).

10. Sapashev O. Principles of representing the worldview of the peoples of Central Asia / O. Sapashev // Journal of Oriental Studies. – 2020. – Vol. 95, No. 4. – pp. 70-81.

11. Dictionary of toponyms of the Republic of Bashkortostan. Ufa : Kitap, 2002. 256 p.

12. Suleymanova M.N. The magical attribute: between paganism and Islam / M.N. Suleymanova, Z.F. Nigmatullina // Bulletin of Anthropology.

– 2021. – No.3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/magicheskiy-atribut-mezhdu-yazychestvom-i-islamom> (date of reference: 09/13/2025).

13. Tereshkina O.V. The archetypal image of a bear and the bear *Ursus arctos* L. (Bear in historical, philological and natural science aspects) / O.V. Tereshkina, S.A. Tereshkin // Proceedings of the Mordovian State Nature Reserve named after P.G. Smidovich. – 2020. – No. 25. – pp. 358-380.

14. Hamidullina R.R. The image of a horse in Bashkir oral folk art / R.R. Hamidullina // Young Scientist. – 2014. – № 19 (78). – pp. 642-644. – URL: <https://moluch.ru/archive/78/13599/> (date of reference: 09/13/2025).

15. Khisamitdinova F.G. Academic Dictionary of the Bashkir language: in 10 volumes Vol. 1: F.G. Khisamitdinova; [ed. by G.R. Abdullina]. Ufa: Kitap, 2011. 432 p.

16. Khisamitdinova F.G. Mythological dictionary of the Bashkir language / F.G. Khisamitdinova. Moscow: Nauka Publ., 2010 – 452 p. ISBN 978-5-02-037580-2.

17. Khisamitdinova F.G. Dictionary of Bashkir mythology / F. G. Khisamitdinova. Ufa: IIAL UNC RAS, 2011. – 152 p. ISBN 978-5-91608-061-2.

18. Sharifullina F.L. Pre-Islamic beliefs of the Tatars of the Volga-Ural region: traditions and modernity / F.L. Sharifullina // Historical destinies of the peoples of the Volga region and the Urals : a collection of articles. Issue 2. – 2011. – P. 89.

Информация об авторах

Ш.Ф. Батыршин – старший преподаватель, кандидат политических наук;

Н.И. Денисламова – студентка 5 курса Института экосистем бизнеса и креативных индустрий УГНТУ.

Information about the authors

Sh.F. Batyrshin – is a senior lecturer, Candidate of Political Sciences;

N.I. Denislamova – is a 5th year student at the Institute of Ecosystems of Business and Creative Industries of the USSTU.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; принята к публикации 12.11.2025.

The article was submitted 01.10.2025; accepted for publication 12.11.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 378.147: [821.161.1-94(510)]

DOI: 10.21510/3034-2694-2025-4-67-78

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Го Вэйхэ

*Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
guo2493936703@163.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу распространения и влияния русской литературы в китайском образовании в исторической и культурной перспективе. Рассматриваются этапы рецепции от первых переводов конца XIX в. до современной академической традиции, включая советский период, когда литература социалистического реализма стала частью образовательных программ. Особое внимание уделяется роли классиков — Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, а также М. Горького — в формировании гуманитарного знания и педагогических практик в Китае. Анализируется значение переводов и особенности их восприятия, выявляются проблемы языковых и культурных барьеров, влияющих на точность передачи оригинала. Подчеркивается, что русская литература в Китае выступает не только учебным материалом, но и инструментом межкультурной коммуникации, формирующим гуманистические ценности и межкультурную компетенцию. Делается вывод, что, несмотря на трудности, русская литература сохраняет важное место в образовательном пространстве Китая, сочетая функции культурного ресурса, средства обучения и элемента «мягкой силы».

Ключевые слова: русская литература; китайское образование; русский язык как иностранный; межкультурная коммуникация; перевод; классическая литература; Толстой; Достоевский; Чехов; Горький; педагогические практики; гуманистические ценности; культурный ресурс; «мягкая сила»; рецепция литературы

Для цитирования: Го Вэйхэ. Распространение и влияние русской литературы в китайском образовании // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2025. № . С. 67-78.

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

**THE SPREAD AND INFLUENCE OF RUSSIAN
LITERATURE IN CHINESE EDUCATION**

Guo Weihe

*Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen,
St. Petersburg, Russia, guo2493936703@163.com*

Abstract. This article examines the dissemination and influence of Russian literature in Chinese education from historical and cultural perspectives. It traces the reception of Russian classics from the first translations in the late 19th century to contemporary academic practices, including the Soviet period, when socialist realist literature became part of curricula. Special attention is given to the role of classic authors — L. Tolstoy, F. Dostoevsky, A. Chekhov, and M. Gorky — in shaping humanities knowledge and pedagogical approaches in China. The study analyzes the significance of translations and the challenges posed by linguistic and cultural barriers that affect the accurate transmission of the original texts. It highlights that Russian literature functions not only as educational material but also as a tool of intercultural communication, fostering humanistic values and intercultural competence. The article concludes that, despite existing difficulties, Russian literature maintains a significant position in China's educational space, combining the roles of a cultural resource, a teaching medium, and an element of soft power.

Keywords: Russian literature; Chinese education; Russian as a foreign language; intercultural communication; translation; classical literature; Tolstoy; Dostoevsky; Chekhov; Gorky; pedagogical practices; humanistic values; cultural resource; soft power; literary reception

For citing: Guo W. The spread and influence of Russian literature in Chinese education // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2025. № . pp. 67-78.

Введение. Русская литература занимает особое место в мировой культуре и традиционно оказывает значительное влияние на национальные литературные системы. Для Китая знакомство с русской словесностью стало не только культурным, но и образовательным явлением, оказывающим влияние на формирование гуманитарного знания и педагогических практик. Уже с конца XIX в. произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова начали переводиться и публиковаться в Китае, воспринимаясь как образцы

реалистического искусства и моральной философии. В XX в. этот процесс приобрёл особую интенсивность в связи с советско-китайским сотрудничеством: русская литература заняла прочные позиции в школьных программах и университетских курсах в период 1950-х – начала 1960-х годов [1].

Актуальность изучения распространения и влияния русской литературы в китайском образовании определяется несколькими факторами. Во-первых, русская литература в течение более чем ста лет формировала важные ориентиры для китайской интеллигенции, способствуя осмыслению ценностей гуманизма, свободы личности и социальной справедливости. Во-вторых, она оказала заметное воздействие на педагогическую практику: через изучение художественных текстов формировались как языковые компетенции, так и мировоззренческие установки учащихся. В-третьих, в условиях глобализации русская литература сохраняет статус важного, хотя и не основного, культурного посредника, обеспечивающего диалог между Россией и Китаем [2].

Цель данной статьи заключается в аналитическом рассмотрении исторических этапов, теоретических рамок и каналов распространения русской литературы в Китае, а также выявлении её роли в образовательной системе. Задачи исследования включают: анализ историографии и существующих подходов к теме; определение методологических оснований; описание основных форм присутствия русской литературы в китайской образовательной практике; оценку её культурного и воспитательного значения.

Таким образом, статья направлена на осмысление русской литературы как фактора формирования образовательного и культурного пространства Китая, что позволяет рассматривать её не только как учебный материал, но и как элемент межкультурного взаимодействия.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, интегрирующий теоретические и эмпирические методы анализа. Теоретическая рамка исследования опирается на теорию рецепции, разработанную в рамках Констанцской школы Х.Р. Яуссом и В. Изером. Концепция «горизонта ожиданий» (Яусс) позволяет анализировать, как восприятие русской литературы в Китае определялось исторически обусловленными эстетическими и идеологическими нормами китайского общества [9]. Теория «имплицитного читателя» (Изер) даёт инструментарий для изучения интерактивной природы чтения, показывая, как китайская аудитория активно конструирует смыслы русских текстов в процессе рецепции [8]. Совместное применение этих концепций позволяет рассматривать усвоение русской классики не как пассивное заимствование, а как динамический процесс культурной адаптации и

интерпретации. Помимо этого, была использована концепция перевода как культурной трансляции, разработанная А. Лефевром и Л. Венути. Согласно этому подходу, перевод представляет собой не просто лингвистическую операцию, но форму манипуляции текстом, подчиненную доминирующим поэтикам и идеологиям принимающей культуры [10]. В контексте данного исследования это проявляется в том, как переводчики адаптировали образы и сюжеты русской литературы под социальные запросы и ценностные ориентации китайского общества на разных этапах его развития. Существенную роль в исследовании играет теория межкультурной коммуникации, опирающаяся на работы Э. Холла и М. Беннета. Концепция высоко- и низкоконтекстных культур позволяет выявить специфику коммуникации между русской (менее контекстной) и китайской (высококонтекстной) культурными традициями [7]. Таким образом, русская литература рассматривается как важный канал формирования межкультурной компетенции.

В педагогическом аспекте исследование опирается на литературоцентрированный подход, согласно которому художественные тексты используются не только для лингвистического обучения, но и как мощный ресурс для воспитания ценностей и формирования культурной идентичности учащихся. Данный подход позволяет анализировать, как произведения русских классиков интегрированы в образовательные программы Китая с целью достижения не только предметных, но и метапредметных результатов.

Таким образом, теоретическая рамка объединяет положения теории рецепции, переводоведения, межкультурной коммуникации и методики преподавания литературы. Совместное применение этих подходов позволяет глубже понять механизмы распространения и восприятия русской литературы в китайском образовательном пространстве.

Материалом для анализа послужили: научные публикации по проблемам рецепции русской литературы в Китае, учебные программы китайских образовательных учреждений, а также переводы русской литературы на китайский язык.

Методы исследования включали: сравнительно-исторический анализ этапов восприятия русской литературы, культурологический анализ межкультурного взаимодействия, литературоведческий анализ рецепции отдельных авторов и произведений.

Результаты. Проведенное исследование позволило выявить следующие ключевые факты, характеризующие распространение русской литературы в Китае:

Конец XIX – начало XX вв.: Переводы осуществлялись через посредничество японского и немецкого языков. В Китай попали

произведения Л. Толстого и Ф. Достоевского, которые воспринимались как часть всемирной литературы.

Советский период (1950–1960-е гг.): Основным каналом стала институционализируемая культурная политика. Широко издавались переводы М. Горького, А. Фадеева и других авторов социалистического реализма, которые вошли в школьные и университетские программы.

С конца XX в.: Усиливаются академические каналы – университетские кафедры, исследовательские центры и конференции способствуют углублённому изучению русской литературы. В школьные и университетские программы с середины XX в. вводились курсы по русской литературе, включавшие как классику XIX в., так и советскую литературу. Особое место заняло изучение реализма как литературного направления.

XXI в.: Всё большую роль играют цифровые ресурсы, онлайн-библиотеки и социальные сети (WeChat, Douban), где формируются сообщества любителей русской культуры.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют проанализировать многогранное влияние русской литературы на китайское образование и культуру. Историография демонстрирует постепенный переход от идеологически окрашенного восприятия к более многогранному и академически обоснованному исследованию русской литературы в Китае. История изучения русской литературы в Китае представляет собой многоэтапный процесс, охватывающий как дореволюционный, так и советский и постсоветский периоды.

Анализ существующих исследований по рецепции русской литературы в Китае позволяет выявить определённую диспропорцию в научном интересе. Как демонстрирует историографический обзор, основное внимание российских и китайских учёных традиционно сосредоточено на классическом наследии XIX века, его влиянии на китайскую литературу и особенностях восприятия. В то же время, рецепция современной русской литературы (второй половины XX – начала XXI вв.) остаётся областью, недостаточно изученной в академическом дискурсе. Так, в китайском восприятии классическая и современная русская литература осмысливаются как единая, целостная система, выступающая генератором и проводником национальных идей и смыслов.

Каналы распространения русской литературы в Китае исторически формировались многоуровнево и отражали политический, культурный и образовательный контексты разных эпох. Первоначально, на очень раннем и кратковременном этапе (конец XIX – начало XX вв.), ключевую роль играли переводы, осуществляемые через посредничество японского и немецкого языков. На этом этапе в

Китай попали произведения Л. Толстого и Ф. М. Достоевского, которые воспринимались как часть всемирной литературы [3, 12].

Русская литература на протяжении более ста лет играет значительную роль в формировании культурного и образовательного пространства Китая. Одним из наиболее заметных направлений является рецепция русской классики в китайской литературной критике и творчестве. Уже в начале XX в. китайские писатели и интеллектуалы проявляли особый интерес к произведениям А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Эти авторы воспринимались как выразители универсальных гуманистических идей, близких китайской культуре, находящейся в поиске новых моделей социального и духовного развития [3].

Наиболее сильное влияние оказал Л.Н. Толстой, чьи идеи ненасилия, нравственной ответственности личности и критики социальной несправедливости нашли отклик у китайских мыслителей эпохи «Движения 4 мая» (1919 г.). Литературоведы отмечают, что в произведениях Лу Синя, одного из крупнейших писателей модернистского Китая, ощущается диалог с традицией русского реализма, прежде всего гоголевского и толстовского типа [11]. А.С. Пушкин же воспринимался как «отец русской поэзии», чья универсальная лирика служила образцом гармонии формы и содержания. Китайские поэты первой половины XX в. не только переводили А.С. Пушкина, но и создавали оригинальные произведения, стилистически перекликающиеся с его поэзией [12].

Во времена СССР основным каналом стала институционализируемая культурная политика. Переводы М. Горького, А. Фадеева, К. Симонова и других авторов социалистического реализма широко издавались, формируя канон обязательного чтения, отражавший идеологическую близость двух стран [4]. Эти авторы символизировали социалистический идеал и формировали у китайских студентов мировоззрение, соответствующее духу эпохи [5]. Они стали частью официального литературного канона и воспринимались как образец «правильной» социалистической литературы, соответствующей духу эпохи [4]. Этот пласт русской словесности сыграл двойственную роль: с одной стороны, он способствовал укреплению культурных связей, с другой – формировал идеологический нарратив в духе социалистического реализма. Наряду с ними продолжали переводиться и издаваться произведения русской классики XIX в., что обеспечивало преемственность литературного канона.

В постсоветский период акценты смещаются: китайские исследователи обращаются к более комплексному анализу русской литературы, включая не только её художественные достоинства, но и

социокультурный контекст. Изучаются вопросы рецепции, переводческих стратегий, а также влияние литературы на образовательные практики. Значительное внимание уделяется также современным авторам, что отражает стремление к расширению культурного диалога. Таким образом, историография демонстрирует постепенный переход от идеологически окрашенного восприятия к более многогранному и академически обоснованному исследованию русской литературы в Китае. С конца XX века усиливаются академические каналы: университетские кафедры, исследовательские центры и конференции способствуют углублённому изучению русской литературы. В XXI веке всё большую роль играют цифровые ресурсы, онлайн-библиотеки и социальные сети (WeChat, Douban), где формируются сообщества любителей русской культуры [14].

Таким образом, каналы распространения русской литературы в Китае представляют собой динамичную систему, включающую печатные издания, образовательные институты, культурную дипломатию и цифровую среду.

Русская литература в Китае выступает не только как объект эстетического восприятия, но и как элемент культурного капитала. Знание произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского или А.П. Чехова в середине XX в. считалось признаком высокой интеллектуальной культуры. В современном Китае этот «престиж» сохраняется в основном в узких академических и профессиональных кругах, связанных с русистикой, символизируя причастность к мировому культурному наследию [13].

Особое значение имели переводы. Китайские переводчики, среди которых важное место занимают Жу Ши и Цюй Цюбо, создавали канонические издания русских авторов, которые становились культурным достоянием нации [1]. Чтение Л.Н. Толстого или Ф.М. Достоевского в определённые периоды становилось маркером образованности, а участие в литературных кружках, связанных с русской культурой, открывало путь к профессиональному росту в академической сфере. Таким образом, русская литература функционировала как символический ресурс, укрепляющий статус китайских интеллектуалов.

Влияние русской литературы на образовательную систему Китая проявилось также в трансформации педагогических практик. В школьные и университетские программы с середины XX в. вводились курсы по русской литературе, включавшие как классику XIX в., так и советскую литературу. Это способствовало расширению дисциплинарных горизонтов: помимо традиционного литературоведения активно развивались сравнительные исследования, сопоставлявшие русскую классику с китайской и западноевропейской традицией [15].

Особое место заняло изучение реализма как литературного направления. Китайские педагоги рассматривали русский реализм как методологическую основу для анализа социальной проблематики в литературе. Влияние русской литературы отразилось и в жанровом многообразии китайской словесности: в национальную литературу вошли новые формы – психологический роман, социальная повесть, философская проза. Эти жанры во многом были восприняты и осмыслены через призму творчества Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова [16].

Кроме того, педагогическая практика опиралась на использование русской литературы при изучении русского языка как иностранного. Тексты А.С. Пушкина или А.П. Чехова рассматривались не только как образцы художественного языка, но и как средство формирования лингвокультурной компетенции студентов. В этом проявляется интегративная функция литературы, соединяющей образовательные и культурные задачи.

Русская литература в Китае выполняла и продолжает выполнять функцию инструмента мягкой силы и межгосударственного диалога. В советский период произведения М. Горького и других советских писателей воспринимались как носители «правильных» идеологием, подкреплявших образ СССР как союзника и культурного наставника. Литература служила здесь не только средством эстетического воспитания, но и каналом культурной дипломатии [4].

В XXI в. роль литературы как инструмента культурной политики претерпела изменения, но не утратила значимости. Современные проекты переводов и изданий русских авторов в Китае способствуют укреплению позитивного имиджа России и формируют основу для межкультурного диалога. Российская литература воспринимается как часть «мягкой силы», обеспечивающей расширение гуманитарного сотрудничества и поддержку стратегического партнёрства между двумя странами [4].

Несмотря на устойчивый интерес к русской литературе и её прочные позиции в образовательной системе Китая, процесс её распространения сталкивается с рядом проблем и ограничений, имеющих как объективный, так и субъективный характер.

Главной проблемой остаётся языковой фактор. Русский язык значительно отличается от китайского по структуре, грамматике и фонетике, что осложняет адекватный перевод художественных текстов. Многие произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского или А.П. Чехова отличаются сложным синтаксисом и глубоким философским подтекстом, что требует от переводчика не только лингвистической, но и культурной компетенции. Отсюда – случаи «упрощённых» переводов, где теряется многослойность художественного образа. Кроме того, качество переводов варьируется:

часть изданий ориентирована на массового читателя, что снижает уровень точности передачи оригинала [6].

История распространения русской литературы в Китае тесно связана с политической конъюнктурой. В советско-китайский период приоритет отдавался писателям социалистического реализма, что обедняло картину восприятия русской словесности. Даже в постсоветский период сохраняются элементы политической селективности: в учебные программы включаются преимущественно те авторы, которые соответствуют ценностным ориентирам образовательной политики Китая [13].

Современное образовательное пространство Китая характеризуется растущим влиянием англоязычной литературы, прежде всего американской и британской. В университетских курсах всё чаще используются тексты на английском языке как более универсальные и востребованные в международных коммуникациях. Русская литература в этом контексте воспринимается как «региональная» традиция, уступающая по престижу и распространённости западному канону [12]. На фоне глобализации и цифровизации у китайской молодёжи наблюдается тенденция к снижению интереса к «классической» литературе как таковой. Предпочтение отдаётся современным медиаформам (кино, интернет-литература, маньхуа). Русская классика, требующая вдумчивого чтения, оказывается в менее выгодном положении по сравнению с доступными и динамичными форматами.

Среди исследовательских проблем – недостаточная интеграция русской литературы в современные компаративные исследования. Китайские литературоведы часто рассматривают русскую словесность в изоляции, не всегда включая её в глобальный контекст. Кроме того, ряд тем (например, постсоветская литература, новые формы реализма и постмодернизм) остаются малоизученными в Китае [14].

Таким образом, несмотря на богатую традицию изучения, русская литература в Китае сталкивается с комплексом ограничений: языковых, идеологических, институциональных и социокультурных. Эти факторы снижают масштаб её влияния и требуют системного преодоления.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что распространение и влияние русской литературы в китайском образовании представляет собой сложный, исторически обусловленный процесс, имеющий многослойный характер. Анализ позволил выявить основные этапы и каналы распространения, а также многогранное влияние на китайскую образовательную систему и культуру. Русская литература выполняет в Китае двойную функцию: сохраняет значение в образовательных программах как источник гуманистических ценностей и одновременно служит инструментом

межкультурной коммуникации. Теоретический анализ в рамках теории рецепции и переводоведения позволил раскрыть механизмы культурной адаптации и интерпретации русской классики в китайском контексте.

Выявленные проблемы и ограничения, включая языковые барьеры, идеологические факторы и усиливающуюся конкуренцию со стороны англоязычной литературы, определяют современные вызовы для дальнейшего распространения русской литературы в Китае. Перспективным направлением представляется изучение интеграции русской литературы в цифровую образовательную среду и исследование рецепции современной русской литературы, которая остается недостаточно изученной областью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галсанова С. Б. Русская литература в Китае: этапы переводов и рецепции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 12. – С. 118–122.
2. Гамса М. Чтение русской литературы в Китае: начало XX века // Вопросы литературы. – 2009. – № 3. – С. 255–285.
3. Горковенко А. Е. Русская литература в культурном пространстве Китая: история и современность. – СПб., 2011. – 18 с.
4. Трофимова Г. Н., Рязанова А. Ю. Основные предпосылки формирования имиджа России в Китае // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2015. – № 1. – С. 60–64.
5. Чжао Сюе. Китайский взгляд на современную русскую литературу в контексте проблемы традиции и современности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 1. – С. 54–61.
6. Gamsa M. The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies. – Leiden: Brill, 2008. – 390 p.
7. Hall E. T. Beyond Culture. – New York: Anchor Books, 1976. – 256 p.
8. Iser W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. – 239 p.
9. Jauss H. R. Toward an Aesthetic of Reception. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. – 244 p.
10. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. – London: Routledge, 1992. – 176 p.
11. Liu Juan, Ma Liang, Zhou Di Chen. Russian Language, Teaching, Literature and Cultural Studies in China: The Current Situation, Issues and Prospects // Journal of Comparative Literature and Culture. – 2020. – Vol. 5, № 2. – P. 15–32.

12. Wang Ning. Russian Literature in China: Reception and Influence // *Comparative Literature Studies*. – 2016. – Vol. 53, № 2. – P. 412–429.
13. 李今. 二十世纪中国文学与俄国现实主义 [Ли Цзинь. Русский реализм и китайская литература XX века]. – 北京, 2012. – 345 с.
14. 王立业. 俄罗斯文学与中国现代文学关系研究 [Ван Лие. Исследование взаимосвязей между русской и китайской современной литературой]. – 北京, 2015. – 278 с.
15. 刘建. 俄罗斯文学与中国教育的互动 [Лю Цзянь. Взаимодействие русской литературы и китайского образования]. – 北京: 北京大学出版社, 2018. – 198 с.
16. 王志耕. 基督教与陀思妥耶夫斯基的历时性诗学 [Ван Чжигэн. Христианство и диахроническая поэтика Достоевского] // *外国文学评论*. – 2001. – № 3. – С. 45–57.

REFERENCES

1. Galsanova S.B. “Russkaya literatura v Kitae: etapy perevodov i retseptsiy.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 13, 12 (2020): 118–122.
2. Gamsa M. “Chtenie russkoi literatury v Kitae: nachalo XX veka.” *Voprosy literatury*, no. 3 (2009): 255–285.
3. Gorkovenko A.E. *Russkaya literatura v kulturnom prostranstve Kitaia: istoriya i sovremennost’*. St. Petersburg, 2011.
4. Trofimova G.N., and A. Yu. Ryazanova. “Osnovnye predposylki formirovaniya imidzha Rossii v Kitae.” *Polilingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki*, no. 1 (2015): 60–64.
5. Zhao Xue. “Kitaiskii vzglyad na sovremennuyu russkuyu literaturu v kontekste problemy traditsii i sovremennosti.” *Vestnik Baltiiskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, no. 1 (2017): 54–61.
6. Gamsa M. *The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies*. Leiden: Brill, 2008.
7. Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Anchor Books, 1976.
8. Iser W. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.
9. Jauss H.R. *Toward an Aesthetic of Reception*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982.
10. Lefevere A. *Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame*. London: Routledge, 1992.
11. Liu Juan, Ma Liang, and Zhou Di Chen. “Russian Language, Teaching, Literature and Cultural Studies in China: The Current Situation,

Issues and Prospects.” *Journal of Comparative Literature and Culture* 5, no. 2 (2020): 15–32.

12. Wang Ning. “Russian Literature in China: Reception and Influence.” *Comparative Literature Studies* 53, no. 2 (2016): 412–429.

13. Li Jin [李今]. *Ershi shiji zhongguo wenxue yu eguo xianshi zhuyi* [Russian Realism and Chinese Literature in the 20th Century]. Beijing, 2012.

14. Wang Liye [王立业]. *E’luosi wenxue yu zhongguo xiandai wenxue guanxi yanjiu* [Russian Literature and Modern Chinese Literature]. Beijing, 2015.

15. Liu Jian [刘建]. *E’luosi wenxue yu zhongguo jiaoyu de hudong* [Russian Literature and Chinese Education]. Beijing: Peking University Press, 2018.

16. Wang Zhigeng [王志耕]. “Jidujiao yu Tuosi Duo Yefu sike de lishi xing shixue [Christianity and the Diachronic Poetics of Dostoevsky].” *Waiguo Wenxue Pinglun*, no. 3 (2001): 45–57.

Информация об авторе

Го Вэйхэ – студент Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена.

Information about the author

Guo Weihe – a student at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; принята к публикации 13.11.2025.

The article was submitted 02.10.2025; accepted for publication 13.11.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 371

DOI: 10.21510/3034-2694-2025-4-79-85

ФОЛЬКЛОР КАК ЧАСТЬ ЭТНОПЕДАГОГИКИ: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Нэркэс Ахметовна Хуббитдинова

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмуллы, Уфа, Россия, narkas08@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы национальной этнопедагогике, которая основывается на народных культурных традициях, фольклоре на примере финно-угрских народов Республики Башкортостан. В данном случае фольклор рассматривается в его широком значении, когда охватывается не только устно-поэтические образцы, но и все явления традиционной этнической культуры (этнохореография, ремесла, этномызыка, музыкальные инструменты и т.д.), которые необходимо отразить в учебнике предмета «Основы духовно-нравственной культуры России» (ОДНКР). Автором приводятся модели для сопровождения предметников данного направления.

Ключевые слова: Основы духовно-нравственной культуры России, фольклор, педагоги, ученики, традиции, этнопедагогика, мари, удмурты

Для цитирования: Хуббитдинова Н.А. Фольклор как часть этнопедагогике: культурные традиции в народной педагогике (на примере финно-угрских народов Республики Башкортостан) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2025. № 4. С. 79-85.

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

FOLKLORE AS PART OF ETHNOPEDAGOGICS: CULTURAL TRADITIONS IN FOLK PEDAGOGY

**(THE EXAMPLE OF THE FINNO-UGRIC PEOPLES OF THE
REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)**

Nerkes A. Khubbiddinova

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa,
Russia, narkas08@mail.ru*

Abstract. The article addresses issues of national ethnopedagogics, which is based on folk cultural traditions and folklore, using the example of the Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan. In this context, folklore is considered in its broad sense, encompassing not only oral-poetic samples but all phenomena of traditional ethnic culture (ethnochoreography, crafts, ethnomusic, musical instruments, etc.) that need to be reflected in the textbook for the subject "Foundations of the Spiritual and Moral Culture of Russia" (ODNKR). The author provides models for supporting subject teachers in this field.

Keywords: Foundations of the Spiritual and Moral Culture of Russia, folklore, teachers, students, traditions, ethnopedagogics, Mari, Udmurts

For citation: Khubbiddinova N.A. Folklore as Part of Ethnopedagogics: Cultural Traditions in Folk Pedagogy (the Example of the Finno-Ugric Peoples of the Republic of Bashkortostan). Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Philological Sciences. 2025; (4): 79-85.

Введение. Фольклор, фольклорные традиции являются одним из важных инструментов в формировании этнопедагогике. «Фольклор – особый вид искусства слова и является своеобразной, особенной частью художественной культуры. Разнообразные трактовки вкладывались в понятие «фольклор», однако доминирующим оказались определения в узком и широком смыслах: как устного народного творчества и как совокупности всех видов народного творчества в контексте народной жизни» (В.П. Аникин, К.В. Чистов, В.Е. Гусев и другие).

На генеральной конференции правительственными экспертами по сохранению фольклора при ЮНЕСКО было принято решение об отнесен фольклора к устному нематериальному культурному наследию человечества. Так, в рекомендации к проведению мероприятий по сохранению фольклора сказано, что «фольклор (или традиционная и народная культура) – есть совокупность основанных на традициях культурного сообщества творений, выраженных группой или индивидуумами и признанных в качестве отражения чаяний сообщества, его культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно путем имитации и другими способами. Его формы включают, в частности, язык, литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла,

архитектуру и другие виды художественного творчества» (Париж, 1 марта 1985 г.) [3, с. 377; 6, с. 4]. Фольклор сегодня включается в формирование и дополнение этнопедагогики именно в своем широком смысле.

В системе образования как регионального компонента фольклор вводится в программы предметов по краеведению, «Истории культуры Башкортостана», «Духовно-нравственной культуре народов Башкортостана», родному языку и литературе и т.д. Однако из-за сокращения часов уроков учителя не успевают дать основы по фольклору и традиционной культуре народа, увязать их со своей воспитательной, этнопедагогической деятельностью. В российских общеобразовательных организациях время на изучение фольклора отведено не много. Как признаются сами учителя региональных школ, изучение фольклора, активное вовлечение детей в мир устно-поэтического народного творчества, этнофольклора происходит хаотично, чаще используется время дополнительного образования или внеклассной работы. При том, что «В современной школе фольклор включен в программы с 1-го по 8-й класс. Изучение фольклора в целом должно быть направлено на понимание культуры, истории, формирование взглядов молодого человека, и того, что называют духом собственного народа. ... Это очень важно в настоящее непростое время, когда идет разрушение или подмена многих идеалов, в частности, красоты, нравственности, подлинности. Но в школьной практике времени на изучение фольклора отведено мало, потому знакомство, именно знакомство, с народным творчеством происходит эпизодически¹, хотя в программах от 1-го по 8-й класс, несомненно, просматривается динамика от малых жанров — к эпическим... учителя часто работают с фольклором на платформе кружковой работы (больше это имеет отношение к младшему звену школы) или же иногда во внеурочные часы» [1].

Сегодня сохранение и развитие этнической культуры отдельных народов России требует к себе пристального внимания. Так, принимая во внимание всю важность и значимость такого бережного отношения и сохранения традиционной культуры финно-угорских народов, сегодня принят Комплекс мер по этнокультурному развитию народов Российской Федерации от 22 февраля 2024 г. Одним из мер, конечно, может выступить изучение воспитательного потенциала этнопедагогики народов Поволжья, тюркских, финно-угорских, славянских народов, выявление особенностей практико-ориентированности вовлечения детей в процесс этнопедагогизации общества вообще и педагогов предметной области «Духовно-нравственная культура России» в частности. Думается, что совместная

---

¹ Курсив – наш. – Н.Х.

работа историко-культурных сообществ, учреждений и общеобразовательных школ, гимназий дало бы свои плоды.

Теоретико-методологические основания исследования

В исследованиях ученых, педагогов-практиков в изучении этнопедагогики «рассматривают следующие подходы: – системный (Г.Н. Волков, Э.Р. Хакимов); – интегральный подход как теоретическая основа этнопедагогики (Ш.М.-Х. Арсалиев); – эволюционный и генетический подходы в теории этнопедагогики (Ш.М.-Х. Арсалиев); – кооперантный подход к изучению общей этнопедагогики (В.И. Баймурзина); Монография 14 – культурологический, аксиологический, системный и историко-генетические подходы (А.С. Шаалы); – цивилизационный подход к изучению исторической этнопедагогики (Т.Н. Петрова). Большинство исследований по этнопедагогике выполняются на основе системного подхода. Как считает Э.Р. Хакимов, «... выделить необходимое и достаточное количество в бесконечном многообразии этнопедагогических явлений можно, если применить методологию системного подхода». Актуальным являются культурологический, аксиологический, интегральный подходы [5; 13].

Выявленные подходы помогают всесторонне исследовать этнопедагогику разных этносов, выявляя сходные и отличительные моменты. Более всего методологические основы этнопедагогики разработаны и раскрыты в трудах Г.В. Нездемковской («Теоретико-методологические основы исследования генезиса этнопедагогики России и ее развития в современных условиях как междисциплинарной отрасли системы гуманитарного знания», «Становление этнопедагогики России как междисциплинарной отрасли гуманитарного знания», «Концептуальные основы развития этнопедагогики в контексте приоритетов российского образования на современном этапе» и др.). «По своей теоретической и практической значимости исследования Г.В. Нездемковской расширяют цель и задачи осмысления теоретических и теоретико-методологических основ этнопедагогики, изучения курса этнопедагогики как учебной дисциплины и реализации практических задач внедрения народной педагогики в процессе этнопедагогизации образования» [5; 8].

В рамках формирования модели сопровождения педагогических работников предметной области «Духовно-нравственная культура России» (ДНКР) интерес вызывает культурологический, социокультурный подход в изучении этнопедагогики народов Поволжья. Потому что именно «Культурологический подход в педагогике означает рассмотрение образования через призму понятия культуры, другими словами, его понимание как культурного процесса, осуществляемого в культурно приемлемой образовательной среде, все компоненты которой наполнены человеческими смыслами и служат человеку, свободно проявляющему свою индивидуальность, человеку,

который способен к культурному саморазвитию и самоопределению в мире культурных ценностей» [5; 11].

Анализ учебно-методического обеспечения курса ДНКР

Предмет «Духовно-нравственная культура России», как отмечают специалисты, является ребрендингом² уже существующего курса «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР), который долгое время оставался факультативным и изучался только учениками 5-6 классов. Планируется его интегрировать в образовательный курс по истории. «Целью нового курса является формирование у молодежи понимания ценности культурного многообразия, поддержка интереса к традициям народов России, а также содействие межнациональному и межрелигиозному согласию...» [4].

В данной статье сделана попытка построить некие модели сопровождения педагогических работников предметной области «Духовно-нравственная культура России» (ДНКР), основываясь на исторически сложившихся традиционных практик воспитания и обучения. Под «традиционными практиками воспитания и обучения» подразумевается веками сложившиеся в народе практикоориентированные духовно-нравственные ценности, этническое мировоззрение, мироощущение, опыт и концепты, которые нашли яркое отражение в этнофольклоре, этнологии, этнокультуре.

В данной статье материалом для исследования в виде образца нами использован учебник «ДНКНР», выпущены в 2019 г. (М.:

² Ребрендинг – активная маркетинговая стратегия; включает комплекс мероприятий по изменению бренда, либо его составляющих: названия, логотипа, слогана, визуального оформления, с изменением позиционирования.

Издательский центр «Вентана-Граф») за 5 класс [2]. Сегодня, как и было сказано выше, готовится к изданию «ДНКР» нового формата, однако концепция учебника, думается, сохранена, как, впрочем, основные цели и задачи курсов, как было сказано ранее, а именно: «формирование у молодежи понимания ценности культурного многообразия, поддержка интереса к традициям народов России, а также содействие межнациональному и межрелигиозному согласию», а также «расширить и систематизировать знания о великой российской культуре, о нравственных ценностях, которые являются основополагающими для нашей многонациональной России» и т.д. [2; 2]. В книге авторы обещают детям следующие темы и направления, сформированные в виде вопросов: «Что такое этика?», «О величии многонациональной культуры России», «О роли человека как творца и носителя культуры», «Какого человека можно назвать нравственным?», «Каковы основные источники культурно-нравственного воспитания».

В данном учебнике представлены материалы по истории и культуре, этнопедагогике семьи таких народов, как русский, башкирский, татарский, карельский, чеченский, дагестанский, чувашский и др. Из финно-угорских народов кроме карельского и мордовского народов материалы практически отсутствуют. В то время как изучение и популяризация традиционной культуры этих народов в рамках этнопедагогизации воспитательного потенциала этноса, сохранение и внедрение в программу ДНКР сегодня является важным, как собственно, других народов, населяющих обширные территории России, вообще.

Этнопедагогический потенциал финно-угорских народов (на примере марийской традиции)

Среди всех народов, входящих в состав финно-угров, марийцы выделяются своим особенным отношением к природе, им присущи веры и верования в ее божественную силу и мощь. Основываясь на обряды и обычаи (запреты и предостережения), формировалась система народного воспитания. Эта система этнопедагогики «соответственно была природосообразной, опирающейся на специфические природоохранные традиции. Это связано с тем, что предки мари всегда считали себя частью природы, признавали магическую власть природы над человеком, существование природной энергии. Поэтому для них было характерно бережное отношение к природе, соблюдение всех принятых в народе правил, норм нравственности, «табу» в отношении природы» [7]. Все это воспитывалось в человеке с детства, формировался национальный характер, основополагающие черты личности марийца, духовный облик представителя этноса. Следовательно, в программу ДНКР необходимо включить материалы, касающиеся природоохранительных

марийских народных традиций, на основе которых сформированы важные жизненно ориентированные, нравственно-этические постулаты народной педагогики вообще. Так, среди этих традиции особенно важным является бережное отношение к воде, родникам, рекам, которые называются Богом воды, Богиней родника. «Согласно действующему табу в них также не стирают грязное белье, убирают вокруг них мусор, не вырубают деревья на их берегах, занимаются их озеленением, лесопосадкой. Такие добрые отношения народа к воде как к источнику жизни сохраняются и поныне, опорой в этом является народный фольклор» [7]. Придя к источнику, марийцы всегда обращаются к Богу воды с просьбой набрать воды или ловить рыбу. Такое же бережное отношение к воде есть и у тюркских народов: бросают монеты – приношения для хозяйки воды – Су-анасы, Су-инасе, Ыу-инәһе с просьбой набрать воды или также ловить рыбу.

Заключение. Таким образом, этнопедагогика, основанная на традиционных ценностях народного воспитания, в своей основе имеет богатую, плодородную основу, как этнофольклор. Этнопедагогическая культура, этнофольклор является результатом веками накопленного опыта жизни, быта народа, сокровищницей «положительных культурных традиций в конкретно-национальных, природно-социальных условиях и плодотворно влияющие на развитие подрастающего поколения, на человека вообще» [7]. Таковым является и этнопедагогический потенциал фино-угорских народов, о традициях и культуре которых важно отразить в программе ДНКР. Потому что эти традиции в своей основе широко развиты и распространены в культуре других народов – славянских, тюркских. Все этнокультурные, этнопедагогические ценности народов России в купе составляют основу ДНКР.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бердяева О.С. Фольклор в системе современного школьного и вузовского образования: к вопросу формирования личности// Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 1 (26). 2020. <https://cyberleninka.ru/article/n/folklor-v-sisteme-sovremennogo-shkolnogo-i-vuzovskogo-obrazovaniya-k-voprosu-formirovaniya-lichnosti>
2. Виноградова Н.Ф. Духовно-нравственная культура народов России: 5 класс: учебник для учащихся общеобразовательных организаций / Виноградова Н.Ф., Власенко В.И., Полякова А.В. – 4-ое изд., стереотип. М. : Издательский центр «Вентана-Граф», 2019. – 160 с.
3. Восточно-славянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Коллектив; отв. ред. К.П. Кабашников. – Минск: Наука I-техника, 1993. – 478 с.

4. Образовательный ребрендинг: предмет «Духовно-нравственная культура России» будет обязательным в 5-7 классах с 2026 года// RuNews24.ru [Электронный ресурс] <https://dzen.ru/a/aD7AhWnoGDSdrXr1>

5. Ооржак С.Я. Этнопедагогика и этнопедагогические исследования (осмысление теоретико-методологических подходов): монография / С.Я. Ооржак, Х.Д.Н. Ооржак. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – 104 с.

6. Хуббитдинова Н.А. Фольклор в башкирской литературе: художественно-эстетический аспект (XIII-начала XX века). Монография. Уфа: Гилем, 2016. 276 с.

7. Чуриков И.А. Природосообразность народного воспитательного опыта финно-угров//Сибирский педагогический журнал. <https://cyberleninka.ru/journal/n/sibirskiy-pedagogicheskiy-zhurnal?i=1042457> (дата обращения: 30.09.2025).

Информация об авторе

Н.А. Хуббитдинова – д-р филол. наук, гл.н.с.

Information about the author

N.A. Khubbiddinova – D.Phil. – Chief Research Fellow.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was submitted 17.11.2025; accepted for publication 20.12.2025.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

**При подготовке статей в журнал
просим руководствоваться следующими правилами**

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Научный журнал «Вестник БГПУ им. М. Акмуллы» публикует статьи по следующим сериям:

- Естественные науки
- Филологические науки
- Социально-гуманитарные науки

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и другое).

Авторский материал может быть представлен как:

- обзор (до 16 стр.);
- оригинальная статья (до 8 стр.);
- краткое сообщение (до 3 стр.).

Работы сопровождаются *аннотацией и ключевыми словами*. К статье молодых исследователей (студентов, магистрантов, аспирантов) следует приложить заключение научного руководителя о возможности опубликования её в открытой печати.

Все принятые к работе материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Всем авторам необходимо предоставить в редакцию отдельным файлом:

а) персональные данные по предложенной форме:

Фамилия Имя Отчество	
Место учебы / работы	
Должность	
Учёная степень	
Почтовый адрес (домашний)	
Факультет, курс, специальность	
Тел.: рабочий / мобил., дом.	

E-mail	
Тема работы	
Рубрика для публикации	

б) согласие на обработку персональных данных по форме (<https://bspu.ru/unit/251/docs>);

в) оформленная строго по требованиям научная статья;

г) заключение научного руководителя (студентам и аспирантам).

Название файла и письма должны соответствовать фамилии автора/ авторов, например, «**Иванов.doc**»

Материалы отправляются по электронному адресу: vestnik.bspu@yandex.ru

РЕКОМЕНДУЕМАЯ СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

В начале статьи в левом верхнем углу на отдельной строке ставится индекс УДК.

Далее данные идут в следующей последовательности:

1. Полное название статьи (прописными буквами по центру);
2. Фамилия, имя, отчество (полностью), наименование организации, где выполнена работа, город, страна, электронный адрес;
3. Аннотация (содержит основные цели предмета исследования, главные результаты и выводы объемом не менее 250 слов);
4. Ключевые слова (не более 15);
5. Данные для цитирования (фамилия, инициалы, название статьи, название журнала);
6. Пункты 1-5 на английском языке;
7. Текст публикации по структуре:

Введение:

- *актуальность темы;*
- *проблема, которую предстоит исследовать;*
- *степень разработанности (обзор литературы);*
- *цель и задачи;*

Основная часть:

- *теоретико-методологические основы и методы исследования;*
- *результаты исследования;*

Заключение:

- *выводы;*
- *возможные направления дальнейших исследований;*

8. Список источников (не менее 15), оформленная в соответствии с требованиями;

9. Транслитерация (Reference) с переводом названия источника;

10. Информация об авторе/ авторах на русском и английском языках.

Основные сведения об авторе содержат:

– имя, отчество, фамилию автора (полностью);
– наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.);

– адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

– электронный адрес автора (e-mail);

– открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID –ORCID) (при наличии).

Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме.

Электронный адрес автора приводят без слова “e-mail”, после электронного адреса точку не ставят.

ORCID приводят в форме электронного адреса в сети «Интернет». В конце ORCID точку не ставят.

Наименование организации (учреждения), её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Пример –

Сергей Юрьевич Глазьев

Финансовый университет, Москва, Россия, serg1784@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

1. В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учёбы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Пример –

Арпик Ашотовна Асратян^{1,2}

¹Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени почетного академика Н.Ф. Гамалеи, Москва, Россия, zasratyan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-1288-7561>

²Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет), Москва, Россия

2. Если у статьи несколько авторов, то сведения о них приводят с учётом нижеследующих правил.

Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

Сведения о месте работы (учёбы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имён авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений¹⁾.

Пример –

*Пётр Анатольевич Коротков¹, Алексей Борисович Трубянов²,
Екатерина Андреевна Загайнова³*

¹Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия, korotp@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0340-074X>

²Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, true47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2342-9355>

³Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия, e.zagaynova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5432-7231>

3. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводят один раз.

Пример –

Юлия Альбертовна Зубок¹, Владимир Ильич Чупров²

^{1, 2}Институт социально-политических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, Москва, Россия

¹uzubok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3108-261>

²chuprov443@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7881-9388>

После сведений обо всех авторах на отдельной строке в начале статьи.

Пример –

Автор, ответственный за переписку: Иван Васильевич Перов, ivp@mail.ru

Corresponding author: Ivan V. Perov, ivp@mail.ru

4. Когда приводят электронный адрес только одного автора или данный автор указан отдельно как ответственный за переписку, электронные адреса других авторов приводят в дополнительных сведениях об авторах в конце статьи.

5. Сведения об авторе (авторах) повторяют на английском языке после заглавия статьи на английском языке. Имя и фамилию автора (авторов) приводят в транслитерированной форме на латинице полностью, отчество сокращают до одной буквы (в отдельных случаях, обусловленных особенностями транслитерации, – до двух букв).

Пример –

Sergey Yu. Glaz'ev

Financial University, Moscow, Russia, serg1784@mail.ru,

https://orcid.org/0000-0003-4616-0758

6. Дополнительные сведения об авторе (авторах) могут содержать:

– полные имена, отчества и фамилии, электронные адреса и ORCID авторов, если они не указаны на первой полосе статьи (см. 4.9.2.2);

– учёные звания;

– учёные степени;

– другие, кроме ORCID, международные идентификационные номера авторов.

Дополнительные сведения об авторе (авторах) приводят с предшествующими словами «Информация об авторе (авторах)» (“Information about the author (authors)”) и указывают в конце статьи после «Списка источников».

Пример –

Информация об авторах

Ю.А. Зубок – доктор социологических наук, профессор;

В.И. Чупров – доктор социологических наук, профессор.

Information about the authors

Ju.A. Zubok – Doctor of Science (Sociology), Professor;

V.I. Chuprov – Doctor of Science (Sociology), Professor.

Пример –

Информация об авторе

С. Ю. Глазьев – д-р экон. наук, проф., акад. Рос. акад. наук.

Information about the author

S. Yu. Glaz'ev – Dr. Sci. (Econ.), Prof., Acad. of the Russ. Acad. of Sciences.

7. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99. Объем аннотации

не превышает 250 слов. Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» (“Abstract”).

Вместо аннотации может быть приведено резюме. Объем резюме обычно не превышает 250–300 слов.

8. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать её предметную, терминологическую область. Не используют обобщённые и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты.

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”), и отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят.

Пример –

Книгоиздание России в 2019 г.

*Галина Викторовна Перова¹, Константин Михайлович
Сухоруков²*

^{1, 2}Российская книжная палата, Москва, Россия

¹perova_g@tass.ru

²a-bibliograf@mail.ru

Аннотация. Авторы приводят основные статистические показатели отечественного книгоиздания за 2019 г., анализируя состояние выпуска печатных изданий и тенденции развития издательского дела в России.

Ключевые слова: издательское дело, статистика книгоиздания, Российская книжная палата, Россия

Publishing in Russia in 2019

Galina V. Perova¹, Konstantin M. Sukhorukov²

^{1, 2}Russian Book Chamber, Moscow, Russia

¹perova_g@tass.ru

²a-bibliograf@mail.ru

Abstract. The authors provide the main statistics of the Russian book publishing in 2019, analyzing the output indicators of printed publications and trends in the publishing industry in Russia.

Keywords: publishing, publishing statistics, Russian Book Chamber, Russia.

9. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-

исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:». На английском языке слова благодарности приводят после ключевых слов на английском языке с предшествующим словом “Acknowledgments:”.

Пример –

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-77-3019; авторы выражают благодарность Алексею Вадимовичу Зимину за предоставление данных о донной топографии в Белом море.

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 17-77-300; the authors are grateful to Aleksey V. Zimin for providing the bottom topography data of the White Sea.

10. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1 внизу первой полосы статьи с указанием фамилии и инициалов автора (-ов) или других правообладателей и года публикации статьи.

Знак охраны авторского права приводят внизу первой полосы статьи с указанием фамилий и инициалов авторов и года публикации статьи.

© Олесова Е.И., 2022

или

© Левитская Н.Г., Бойкова О.Ф., Киян Л.Н., 2022.

11. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ**». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

12. В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

13. Отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

14. Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Список должен содержать не менее 15 названий источников.

15. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“**REFERENCES**”) согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок, принятому в зарубежных изданиях: Harvard, Vancouver, Chicago, ACS (American Chemical Society), AMS (American Mathematical Society), APA (American Psychological Association) и др. (см. Приложение). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

16. Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список».

17. В пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки, а также записи на произведения лиц, которым посвящена статья.

Библиографическую запись для пристатейного библиографического списка составляют по ГОСТ 7.80, ГОСТ Р 7.0.100.

18. Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном или хронологическом порядке.

19. Приложение (приложения) к статье публикуют с собственным заглавием. В заглавии или подзаголовочных данных приложения приводят сведения о том, что данная публикация является приложением к основной статье.

При наличии двух и более приложений их нумеруют.

20. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания.

21. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках.

22. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

22. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

23. Затекстовые и подстрочные примечания связывают с текстом, к которому они относятся, знаками выноски или отсылки.

24. Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

25. При публикации статьи, переведённой с языка народов Российской Федерации или иностранного языка, а также при перепечатке статьи из другого источника в подстрочном примечании на первой полосе статьи приводят библиографическую запись на оригинальную статью по ГОСТ 7.80, ГОСТ Р 7.0.100.

26. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Пример –

Вклад авторов:

Артемьева С. С. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Митрохин В. В. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Artemyeva S. S. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Mitrokhin V. V. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

27. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Пример –

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТОВОЙ ЧАСТИ СТАТЬИ

Текст статьи предоставляется в редакцию в виде файла с названием, соответствующим фамилии первого автора статьи в формате .doc (текстовый редактор Microsoft Word 6.0 и выше), и должен отвечать нижеприведенным требованиям.

Компьютерную подготовку статей следует проводить посредством текстовых редакторов, использующих стандартный код ASCII (Multi-Edit, Norton-Edit, Lexicon), MS Word for Windows или (предпочтительно) любой из версий пакета TeX.

- Параметры страницы: формат – А4; ориентация – книжная; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см; размер страницы – 17 на 26.

- Шрифт Times New Roman; размер шрифта – 12 pt; межстрочный интервал – 1; отступ (абзац) – 1,25.

Следует различать дефис (-) и тире (–). Дефис не отделяется пробелами, а перед тире и после ставится пробел.

Перед знаком пунктуации пробел не ставится.

Кавычки типа « » используются в русском тексте, в иностранном – “ ”.

Кавычки и скобки не отделяются пробелами от заключенных в них слов, например: (при 300 К).

Все сокращения должны быть расшифрованы.

Подписи к таблицам и схемам должны предшествовать последним. Подписи к рисункам располагаются под ними и должны содержать четкие пояснения, обозначения, номера кривых и диаграмм. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте, при этом не допускается дублирование информации таблиц, рисунков и схем в тексте. Рисунки и фотографии должны быть предельно четкими (по возможности цветными, но без потери смыслового наполнения при переводе их в черно-белый режим) и представлены в формате *.jpg, *.eps, *.tif, *.psd, *.psx. Желательно, чтобы рисунки и таблицы были как можно компактнее, но без потери качества. В таблице границы ячеек обозначаются только в «шапке». Каждому столбцу присваивается номер, который используется при переносе таблицы на

следующую страницу. Перед началом следующей части в правом верхнем углу курсивом следует написать «Продолжение табл. ...» с указанием ее номера. Сложные схемы, рисунки, таблицы формулы желательно привести на отдельном листе. Не допускается создание макросов Microsoft Word для создания графиков и диаграмм.

Расстояние между строками формул должно быть не менее 1 см. Следует четко различать написание букв n, h и $u; g$ и $q; a$ и $d; U$ и $V; \xi$ и $\zeta; v, \vartheta$ и ν и т.д. Прописные и строчные буквы, различающиеся только своими размерами (C и c, K и k, S и s, O и o, Z и z и др.), подчеркиваются карандашом двумя чертами: прописные – снизу, строчные – сверху ($\underline{P}, \overline{p}; \underline{S}, \overline{s}$). Латинские буквы подчеркиваются волнистой чертой снизу, греческие – красным цветом, полужирные символы – синим.

Индексы и показатели степени следует писать четко, ниже или выше строки, и отчеркивать дужкой ($\frown$ – для нижних индексов и $\smile$ – для верхних) карандашом. Цифра 0 (ноль), а также сокращения слов в индексах подчеркиваются прямой скобкой – $\_$.

Употребление в формулах специальных, в частности, готических и русских букв, а также символов (например, $\mathcal{L}, \mathcal{P}, \mathcal{A}, \mathcal{D}, \mathcal{M}, \mathcal{G}, \mathcal{J}, \mathcal{Z}, \mathcal{P}, \mathcal{R}, \nabla, \oplus, \exists$ и др.) следует особо отмечать на полях рукописи.

Нумерация математических формул приводится справа от формулы курсивом в круглых скобках. Для удобства форматирования следует использовать таблицы из двух столбцов, но без границ. В левом столбце приводится формула, в правом – номер формулы.

Ссылки на математические формулы приводятся в круглых скобках курсивом и сопровождаются определяющим словом. Например: ... согласно уравнению (2) ...

Транскрипцию фамилий и имен, встречающихся в ссылке, необходимо по возможности представлять на оригинальном языке (преднамеренно не русифицируя), либо приводить в скобках иноязычный вариант транскрипции фамилии.

Список источников литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5 в порядке цитирования. Литературный источник в списке литературы указывается один раз (ему присваивается уникальный номер, который используется по всему тексту публикации).

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК НА ЛИТЕРАТУРУ

Общая схема библиографического описания:

КНИГА С ОДНИМ, ДВУМЯ или ТРЕМЯ АВТОРАМИ:
ЗАГОЛОВОК (фамилия, инициалы авторов) ОСНОВНОЕ
ЗАГЛАВИЕ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ (учеб. пособие)
СВЕДЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (И.О. Фамилия
редактора, составителя; университет)
СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ (2-е изд., перераб. и доп.)
МЕСТО ИЗДАНИЯ (Москва, Новосибирск)
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОД ИЗДАНИЯ.
КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ.

Если нет какой-либо области описания – пропускаем.

Примеры:

Книга с одним автором:

Росляков А. В. ОКС №7: архитектура, протоколы, применение.
Москва: ЭкоТрендз, 2010. 315 с.

Книга с двумя авторами:

Ручкин В. Н., Фулин В. А. Архитектура компьютерных сетей.
Москва: ДИАЛОГ-МИФИ, 2010. 238 с.

Книга с тремя авторами:

Тарасевич Л. С., Гребенников П. И., Леусский А. И.
Макроэкономика: учебник. Москва: Высш. образование, 2011. 658с.

Максименко В. Н., Афанасьев В. В., Волков Н. В. Защита информации в сетях сотовой подвижной связи / под ред. О. Б. Макаревича. Москва: Горячая линия-Телеком, 2009. 360 с.

Книга с четырьмя и более авторами: Описание начинается с ОСНОВНОГО ЗАГЛАВИЯ. В сведениях об ответственности указываются либо все авторы, либо первый автор с добавлением в квадратных скобках сокращения "и другие" [и др.]

1. История России в новейшее время: учебник / А. Б. Безбородов, Н. В. Елисеева, Т. Ю. Красовицкая, О. В. Павленко.
Москва: Проспект, 2014. 440с.

или

1. История России в новейшее время: учебник / А. Б. Безбородов [и др.]. Москва: Проспект, 2014. 440 с.

Книга без автора:

Страхование: учебник / под ред. Т. А. Федоровой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Магистр, 2011. 106 с.

Многотомное издание:

Экономическая история мира. Европа. Т. 3 / под общ. ред. М. В. Конотопова. Москва: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2012. 350 с.

Учебное пособие вуза:

Заславский К. Е. Оптические волокна для систем связи : учеб. пособие / Сиб. гос. ун-т телекоммуникаций и информатики. Новосибирск, 2008. 96 с.

или

Заславский К. Е. Оптические волокна для систем связи: учеб. пособие. Новосибирск: СибГУТИ, 2008. 96 с.

Нормативные документы:

Типовая инструкция по охране труда для пользователей персональными электронно-вычислительными машинами (ПЭВМ) в электроэнергетике: РД 153-34.0-03.298-2001. Введ. с 01.05.2001. М., 2002. 91с.

ГОСТ 7.80-2000. Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления. Введ. 2001-07-01. М., 2000. 7с.

Общая схема описания статей из журналов:

Фамилия И. О. автора статьи. Название статьи // Название журнала. Год. №. С.

Статья с одним автором:

Волков А. А. Метод принудительного деления полосы частот речевого сигнала // Электросвязь. 2010. № 11. С. 48-49.

Статья с тремя авторами:

Росляков А., Абубакиров Т., Росляков Ал. Системы поддержки операционной деятельности провайдеров услуг VPN // Технологии и средства связи. 2011. № 2. С. 60-62.

Статья с четырьмя и более авторами:

Сверхширокополосные сигналы для беспроводной связи / Ю. В. Андреев, А. С. Дмитриев, Л. В. Кузьмин, Т. И. Мохсени // Радиотехника. 2011. № 8. С. 83-90.

Общая схема описания электронного документа:

ЗАГОЛОВОК (фамилия, инициалы авторов) ОСНОВНОЕ ЗАГЛАВИЕ

ОБЩЕЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА [Электронный ресурс]
СВЕДЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЗАГЛАВИЮ : справочник

СВЕДЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ / под ред. И.И. Бун
МЕСТО ИЗДАНИЯ ГОРОД
ИМЯ ИЗДАТЕЛЯ
ДАТА ИЗДАНИЯ
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. М., 2005. 1 CD-ROM.

**Описание ресурсов удаленного доступа (интернет-ресурсы)
описание сайта:**

Название сайта [Электронный ресурс]: сведения, относящиеся к заглавию / сведения об ответственности (это данные о составителях сайта). Город: Имя (наименование) издателя или распространителя, год. URL: http://www.____ (дата обращения: _._____.)

Пример:

1. Российская государственная библиотека [Электронный ресурс] / Центр информ. технологий РГБ; ред. Т. В. Власенко ; Web-мастер Н. В. Козлова. Москва: Рос. гос. б-ка, 1997. URL : <http://www.rsl.ru>. (дата обращения: 11.12.13)

2. Исследовано в России [Электронный ресурс] : научный журнал / Моск. физ.- техн. ин-т. Долгопрудный : МФТИ, 1998 . URL: <http://zhurnal.mipt.rssi.ru>. (дата обращения: 11.12.13)

Материал (текст, статья), расположенный на сайте:

Фамилия И.О. авторов. Заглавие текста на экране [Электронный ресурс] // Заглавие сайта : сведения, относящиеся к заглавию / сведения об ответственности. URL : http://www.____ (дата обращения: _____.)

Если нет какой-либо области описания – пропускаем.

Пример:

1. Новосибирск [Электронный ресурс]// Википедия: Свободная энциклопедия. URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EE%E2%EE%F1%E8%E1%E8%F0%F1%EA> (дата обращения: 11.12.13)

Книга из полнотекстовой электронно-библиотечной системы (эбс)

Книга с 1-3 авторами:

Карпенков С. Х. Экология [Электронный ресурс]: учебник. Электрон. Текстовые данные. М.: Логос, 2014. 400 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru /21892>. ЭБС «IPRbooks».

Книга с 4 и более авторами:

Сборник задач по аналитической геометрии и линейной алгебре [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Л. А. Беклемишева [и др.]; под ред. Д. В. Беклемишева. Электрон. текстовые дан. Изд. 3-е, испр. СПб.: Лань, 2008. URL: <http://e.lanbook.com/view/book/76/>

Ссылки внутри текста

Затекстовые библиографические ссылки:

В конце абзаца текста в квадратных скобках [**3, с. 25**]

3 – номер источника в списке литературы с. 25 – номер страницы.

Статьи, оформленные с нарушением перечисленных выше правил, редакцией не рассматриваются.

Образец:

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 81'38

DOI:

**СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ А.С.
ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»**

Иван Иванович Иванов¹, Иван Иванович Сидоров²

*^{1,2}Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмиллы, Уфа, Россия*

¹ivanov@mail.ru

²nova8@mail.ru

Аннотация. В статье проводится стилистический анализ повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», исследуются уникальные стилистические особенности произведения. Анализ текста с точки зрения языковых и стилистических приемов позволяет раскрыть особенности художественного исполнения и языкового мастерства. Исследование фокусируется на использовании лексических оборотов, фразеологизмов, художественных приемов, а также на роли стилистики в создании образов. Результаты анализа помогают более глубоко понять и оценить вклад А.С. Пушкина в развитие русской литературы, а также выдвинуть новые исследовательские гипотезы относительно структуры и смысла «Капитанской дочки»... (не менее 250 слов).

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Капитанская дочка, стилистический прием, языковое мастерство, повесть

Для цитирования: Иванов И.И., Сидоров И.И. Стилистическое своеобразие повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы. Серия: Филологические науки. 2024. №1. С.

LITERARY STUDIES

Original article

**THE STYLISTIC UNIQUENESS OF THE NOVELLA "THE
CAPTAIN'S DAUGHTER" BY A.S. PUSHKIN**

Ivan I. Ivanov¹, Ivan I. Sidorov²

^{1,2} *Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia*
¹ivanov@mail.ru
² nova8@mail.ru

Abstract. The article presents a stylistic analysis of Alexander Pushkin's novella "The Captain's Daughter," exploring its unique stylistic features. Analyzing the text from the perspective of language and stylistic devices helps reveal the artistic execution and linguistic mastery of the work. The study focuses on the use of lexical expressions, phraseology, artistic techniques, and the role of stylistics in character creation. The results of the analysis aid in a deeper understanding and appreciation of Alexander Pushkin's contribution to the development of Russian literature, as well as in proposing new research hypotheses regarding the structure and meaning of "The Captain's Daughter." ... (не менее 250 слов).

Keywords: Alexander Pushkin, The Captain's Daughter, stylistic device, linguistic mastery, novella

For citing: Ivanov I.I., Sidorov I.I. Stylistic uniqueness of Alexander Pushkin's novella "The Captain's Daughter" // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2024. №1. pp.

Структура текста публикации:

Введение:

- актуальность темы;
- проблема, которую предстоит исследовать;
- степень разработанности (обзор литературы);
- цель и задачи.

Основная часть:

- теоретико-методологические основы и методы исследования;
- результаты исследования;

Заключение:

- выводы;
- возможные направления дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (не менее 15)

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
2. Ахмеров Р. Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа: Китап, 1994. – 112 с: ил. ISBN 5-295-01493-2 (Из записок историка-краеведа).

3. Башкорт халык ижады. 5-се том. Тарихи кобайырзар, хикәйттәр, иртәктәр. / Төзөүсе, инеш мәкәлә, коммент., глоссарий авторы Н.Т. Зарипов. Яуаплы редактор З.Ф. Ураксин. – Өфө, 2000. – 391 б.
4. Башкорт халык ижады. XIII т. Хайуандар тураһында әкиәттәр / Төз, баш һүз авторы Г.Р. Хөсәйенова, аңл. авт-ры Л. Г. Бараг, М. М. Мингажетдинов, Г. Р. Хөсәйенова. – Өфө: Китап, 2009. – 200 б.
5. Башкорт халык ижады. Әкиәттәр III китап / Төз. Н.Т. Зарипов, М.М. Мингажетдинов, аңл. авт-ры Л.Г. Бараг, Н.Т. Зарипов. – Өфө: Башкитап нәшриәте, 1978, – 351-се б.
6. Башкорт халык ижады. Йола фольклоры / Төз., инеш һүз, аңл. авт-ры Ә. Сөләймәнов, Р. Солтангәрәева. – Өфө, Китап: 1995. – 556 б.
7. Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Беренсе китап / Төз., башһүз, аңлатм. авторы. Ф.А. Нәзершина. – Өфө: Китап, 2006. – 544 б.
8. Башкорт халык ижады. Т.5. Тарихи кобайырзар, хикәйттәр, иртәктәр/ Төзөүсе, инеш мәкәлә, коммент., глоссарий авторы Н.Т. Зарипов. Яуаплы редактор З.Ф. Ураксин. – Өфө, Китап, 2000. 5-се том, 391 С.
9. Берёзкин Ю. Е. Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб.: ИИМК РАН. «Периферия». Ред. коллегия. 2012. кн. 2. – 584 с.
10. В преддверии философии: духовные искания древнего человека Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж.Уилсон, Т.Якобсен. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с
11. Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа Саха. – Новосибирск: Наука, 2004. – 312с.
12. Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. – Өфө: Китап, 1998, 223 б.
13. Куканова В. В. Архаические представления о ветре в калмыцком фольклоре: междисциплинарный подход / В. В. Куканова // Новый филологический вестник. – 2021. – № 2(57). – С. 371-391. – DOI 10.24411/2072-9316-2021-00058. – EDN LZFRJY.
14. Петров А. М. Образы воздушной стихии в русском религиозном фольклоре / А. М. Петров // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 93-99. – DOI 10.22250/20728662_2022_4_93. – EDN DPLAQW.
15. Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Т.2. Календарный фольклор: миф и ритуал. – Уфа: Башк. энцикл., 2019. – 296 с.

REFERENCES

Список источников в конце статьи представляется в транслитерации

1. Abramzon S. M. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kyrgyz people and their ethnogenetic, historical and cultural ties]. – L., 1971.
2. Ahmerov R. B. Naskal'nye znaki i etnonimy bashkir [Rock signs and ethnonyms of Bashkirs]. – Ufa: Kitap, 1994. – 112 s: il. ISBN 5-295-01493-2 (Iz zapisok istorika-kraevedy).
3. Bashkort halyk izhady. 5-se tom. Tarihi kobajyrzar, hikəjəttər, irtəktər [Bashkir folk art. Volume 5. Historical kubairs, legends, tales] / Təzəyşe, inesh məkələ, komment., glossarij avtory N.T. Zaripov. YAuply redaktor Z.F. Uraksin. – Əfə, 2000. – 391 b.
4. Bashkort halyk izhady. XIII t. Hajuandar turahynda əkiəttər [Bashkir folk art. XIII vol . Animal Tales] / Təz, bash hüz avtory G. R. Həsəjenova, ahl. avt-ry L. G. Barag, M. M. Mingazhetdinov, G. R. Həsəjenova. – Əfə: Kitap, 2009. – 200 b.
5. Bashkort halyk izhady. Əkiəttər III kitap [Bashkir folk art. Fairy Tales book III] / Təz. N.T. Zaripov, M.M. Minhazhetdinov, ahl. avt-ry L.G. Barag, N.T. Zaripov. – Əfə: Bashkitap nəshriəte, 1978, – 351-se b.
6. Bashkort halyk izhady. Jola fol'klory [Bashkir folk art. Ritual folklore] / Təz., inesh hüz, ahl. avt-ry Ə. Sələjmənov, R. Soltangərəeva. – Əfə, Kitap: 1995. – 556 b.
7. Bashkort halyk izhady. Məkəldər həm əjtemdər. Berense kitap [Bashkir folk art. Proverbs and sayings. The first book] / Təz., bashhüz, ahl. avtory. F.A. Nəzershina. – Əfə: Kitap, 2006. – 544 b.
8. Bashkort halyk izhady. T.5. Tarihi kobajyrzar, hikəjəttər, irtəktər [Bashkir folk art. Vol. 5. Historical kubairs, tales, tales] / Təzəyşe, inesh məkələ, komment., glossarij avtory N.T. Zaripov. YAuply redaktor Z.F. Uraksin. – Əfə, Kitap, 2000. 5-se tom, 391 s.
9. Beryozkin YU. E. Rekonstrukciya syuzheta sozdaniya cheloveka u stepnyh indoevropjcev [Reconstruction of the plot of human creation among the steppe Indo-Europeans] // Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami. – SPb.: IIMK RAN. «Periferiya». Red. kollegiya. 2012. kn. 2. – 584 s.
10. V preddverii filosofii: duhovnye iskaniya drevnego cheloveka G. Frankfort, G.A. Frankfort, Dzh.Uilson, T.Yakobsen [On the threshold of philosophy: the spiritual quest of ancient man G. Frankfort, G.A. Frankfort, J.Wilson, T.Jacobsen]. – SPb.: Amfora, 2001. – 314 s
11. Zaharova A.E. Arhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simbolika naroda Saha [Archaic ritual and ceremonial symbols of the Sakha people]. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 312s.

12. Inan A. SHamanizm tarihta h m b gen [Shamanism in history and today]. –  f : Kitap, 1998, 223 b.
13. Kukanova V. V. Arhaicheskie predstavleniya o vetre v kalmyckom fol'klore: mezhdisciplinarnyj podhod [Archaic ideas about the wind in Kalmyk folklore: an interdisciplinary approach] / V. V. Kukanova // Novyj filologicheskij vestnik. – 2021. – № 2(57). – S. 371-391. – DOI 10.24411/2072-9316-2021-00058. – EDN LZFRJY.
14. Petrov A. M. Obrazy vozdušnoy stihii v ruskom religioznom fol'klore [Images of the air element in Russian religious folklore] / A. M. Petrov // Religiovedenie. – 2022. – № 4. – S. 93-99. – DOI 10.22250/20728662_2022_4_93. – EDN DPLAQW.
15. Sultangareeva R.A. Bashkirskij fol'klor:semantika, funkcii i tradicii. T.2. Kalendarnyj fol'klor: mif i ritual [Bashkir folklore:Semantics, functions and traditions. Vol. 2. Calendar folklore: myth and ritual]. – Ufa: Bashk. encikl., 2019. – 296 s.

Информация об авторах

И.И. Иванов – аспирант;

И.И. Сидоров – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – graduate student;

I.I. Sidorov – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 00.00.2024; принята к публикации 00.00.2024.

The article was submitted 00.09.2024; accepted for publication 00.00.2024.

**ВЕСТНИК
БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. АКМУЛЛЫ**

16 +

Серия: Филологические науки.

**Редакция не всегда разделяет мнение авторов.
Статьи публикуются в авторской редакции.**

Компьютерный набор.
Гарнитура Times New Roman
Гарнитура Times.
Формат 70×108/16
Тираж 1000 экз.